

ЗАРУБЕЖЬЕ

Познаете Истину
и Истина сделает
вас свободными.
Еванг. от Иоанна.

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

№ 2 (6)

МАЙ 1966

МЮНХЕН

ВОСКРЕСЕНИЕ

*Христос воскрес из мертвых,
Смертию смерть поправ
И сущим во гробех живот даровав.*

В рассказе для детей в одной из советских хрестоматий маленький мальчик, впервые столкнувшийся со смертью, — умерла его бабушка, — спрашивает отца: «Папа, я тоже умру?» Чувствуя душевную растерянность ребенка, его неосознанный мистический страх, отец твердо отвечает: «Нет, ты не умрешь». «Никогда?» «Никогда!» Ребенок облегченно вздыхает. Пустота, заглянувшая ему было в лицо, отступила. «Отец дал правильный ответ, — писала советская же критика, — нельзя пугать ребенка. Когда он вырастет, он поймет.» Что он поймет? Что все живущее преходяще? Что биологические клетки изнашиваются? И это его должно удовлетворить?

В романе австрийского писателя Франца Верфеля «Злоупотребление небом» девятнадцатилетний юноша идет в день своего рождения погулять с товарищами в горы. Смелый альпинист, не раз карабкавшийся на крутизны, он спотыкается при спуске с небольшого, совершенно неопасного косогора, катится вниз и остается лежать со сломанной шеей. В немой растерянности застыли родители, сестра, друзья погибшего перед этой неожиданной и столь лишенной всякого понятного смысла смертью. Они уже давно перестали быть детьми и они ничего не поняли, когда им в лицо глянула пустота, с которой они не умели справиться. Только один человек в этом богатом, культурном доме не растерялся перед лицом смерти: старая, простая богемская кухарка. Вся семья со снисходительной усмешкой смотрела на ее ежедневные посещения скромной деревенской церковки, а сейчас она одна показала душевную силу, давшую ей естественный авторитет, перед которым невольно склонилась смутившаяся семья. Только для нее одной смерть не была непостижимой нелепостью, бессмыслицей, смерть укладывалась в ее систему мироздания, и она не испытывала перед ней ужаса.

Но где же место смерти? Смерть имеет свое ясное, рационально испол-

не определенное место во многих мировоззренческих системах. Все, что имеет начало, должно иметь и конец, говорят разные вариации этих систем. Наш мир конечен, — конечны ли он в целом, об этом спорят разные философские направления, — но он конечен на каждом своем отдельном участке. Все, что возникает, то и преходит; растения, животные и люди рождаются и умирают. Таков закон природы. Все логично, ясно и понятно... до тех пор, пока это абстрактная проблема, до тех пор пока это не коснулось меня.

«Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветтера: Кай — человек, люди смертны, поэтому Кай смертен, казался ему всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай — человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай, не вообще человек... И Кай точно смертен, и ему правильно умирать, но мне, Ване, Ивану Ильичу, со всеми мыслями, чувствами, — мне, это другое дело. И не может быть, чтоб мне следовало умирать. Это было бы слишком ужасно.» Пока дело шло о каком-то абстрактном Кае, о «вообще человеке», в силлогизме не было никакого сомнения. Но теперь умирал не Кай, а умирал он сам, Иван Ильич, и ему не было никакого дела ни до Каю, ни до логики. Он больше ничего не понимал.

Растерянность Левина у постели умирающего брата, растерянность самого Толстого. Он жил в саратовской гостинице, куда поехал, чтобы прикупить кое-какие имения, был здоров, бодр, весел, думал только о самых обыкновенных, практических делах, — и вдруг вошло «оно», красно-синее, квадратное, и на него пахнуло ледяным холодом пустоты. Ее дыхание было так страшно, что Толстой, счастливый семьянин, здоровый, богатый, знаменитый человек, прятал от себя шнур и перестал ходить один на охоту, чтобы не поддаваться искушению самоубийства, признается он в своей «Исповеди». Самоубийство из страха смерти! Невозможность жить с сознанием своей абсолютно достоверной приговоренности без малейшей надежды на «пе-

ресмотр дела» или на помилование, — только день казни остается скрытым, но это делает жизнь с таким сознанием еще невыносимее. «Как ни убедительно было рассуждение о том, что все равно разорвется сосуд в сердце или лопнет что-нибудь, и все кончится, я не мог терпеливо ожидать конца. Ужас тьмы был слишком велик, и я хотел поскорее, поскорее, избавиться от него петлей или пулей. И вот это-то чувство сильнее всего влекло меня к самоубийству.»

Толстой так и не справился с проблемой смерти. Он обманул себя своим рационалистическим «царством Божиим» на земле, оставляющим смерть неприкосновенной.

Жизнь на земле может стать прекрасной, если мы будем жить нравственно, любить друг друга и не сопротивляться злу насильем, провозглашает Толстой.

А смерть потом все равно всех, съест, нравственных и безнравственных, исправителей и исправленных, добрых и злых, счастливых и несчастных, отвечает Владимир Соловьев.

А что вы сделаете с предыдущими поколениями замученных, уже умерших? — спрашивает сам измучившись этим вопросом атеист Герцен: «Или вы обрекаете ныне живущее поколение на то, чтоб держать террасу, на которой другие потом будут танцевать?» Эта та знаменитая слезинка ребенка у Ивана Карамазова, на которой нельзя воздвигнуть здания счастья для всего человечества. Не справились со смертью и экзистенциалисты с их толстовским ужасом тьмы, ужасом брошенного в пустоту человека, окруженного со всех сторон гейдеггеровским Ничто. Человек Сартра, творящий сам себя, трагический Мюнхгаузен, пытающийся вытащить самого себя за волосы не из болота, а из чего-то неизмеримо более страшного: из пустоты.

Но мы читали уже нечто подобное у великого провидца многих будущих идей: «Кто смеет убить себя, тот бог. Теперь всякий может сделать, что Бога не будет и ничего не будет. Но никто еще ни разу не сделал,» — бормотал маньяк Кириллов.

«Самоубийц миллионы были.»

«Но все не затем, все со страхом и не для того. Не для того, чтоб страх убить. Кто убьет себя только для того, чтоб страх убить, тот тотчас бог становится.»

Искушение Толстого, самоубийство как путь преодоления смерти, как путь преодоления экзистенциального страха, страха, заложенного в самой глубине бытия, попытка убить ужас перед смертью этой же самой смертью — возможный это путь? Но Кириллов не стал богом, убив себя. Напротив, он превратился в безжизненную марионетку, тупо кивающую головой, еще до того как спустил курок. Он стал не богом, а чем-то даже ниже животного, он стал автоматом. Как глубоко это прозрение Достоевского!

Ни атеистический экзистенциализм, ни позитивизм, ни рационалистический морализм не разрешают и не разрешат проблемы смерти. Марксизм к ней даже и не притронулся. Он всячески ее избегает, в то время как она особенно настойчиво стучится в его двери, не только как теоретический вопрос, но и как личная рана перед лицом миллионов павших на войне, миллионов замученных в концлагерях. И ответ только тот, что после построения коммунизма будет хорошо жить на земле? А если б даже и так, — то как же быть с теми, для которых уже поздно? И что же будет со мной-то, со мной? Если жизнь станет и впрямь счастливой, то умирать будет еще тяжелее. Ведь не Кай же там где-то умирает, а я, я, Иван Ильич!

Персональная проблема смерти не разрешается никакими силлогизмами, никакими «закономерностями развития», никаким законом причинности.

В романе английского писателя Хаксли «Новый, бодрый мир» молодость людей в будущем «счастливого мира» поддерживается искусственно до того момента, пока организм совсем не износится; тогда людей помещают в особый зал, где телевидение их непрерывно отвлекает от мысли о смерти, пока они неожиданно не перейдут границу. Миллионы людей в наше время отвлекают себя от мысли о смерти, стараются забыться в удовольствиях и развлечениях, и миллионы уверены, что самой лучшей смертью является случайная, неожиданная смерть, смерть среди вихря развлечений или же среди работы, дел и забот, так, чтоб человек даже не успел заметить, как она подкралась. Когда некоторых известных артистов спросили, что они стали бы делать, если б им сказали, что они умрут через 24 часа, многие из них ответили, что они ходили бы непрерывно с одного кинофильма на другой, все 24 часа. Самоотупление как разрешение проблемы смерти? В мо-

литвах церкви есть одна, на первый взгляд поразительная: «От внезапной смерти избави нас, Господи!» Церковь смотрит глубже и знает человека лучше. Самоотуплением нельзя ничего решить. Не имеет смысла бежать от смерти, все равно не убежишь. Надо не бежать, а преодолеть ее. Но как?

В утопическом романе А. Богданова «Красная звезда» отдельные люди так слились с коллективом, что личная смерть уже никого не страшит. «Народ — все, личность — ничто», — это был лозунг национал-социалистов.

Уничтожение личности как решение проблемы смерти? Пастернак называет эти тенденции возвращением на века назад. «Эти декларации о вождах и народах могли бы вернуть нас к ветхозаветным временам скотоводческих племен и патриархов, если бы обладали силой повернуть жизнь вспять и отбросить историю назад на тысячелетия. По счастью это невозможно.» Несмотря на все усилия личность уничтожить нельзя. «Что-то сдвинулось в мире. Кончился Рим, власть количества, оружием вмененная обязанность жить всей поголовностью, всем населением. Вожди и народы отошли в прошлое. Личность, проповедь свободы пришли им на смену. Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной.»

Личность стала вторым фокусом, вторым полюсом, которому противостоит другой полюс — весь мир. Отдельный человек по своему значению и ценности не меньше, чем все человечество. Парадокс? Нет, тайна. Глубокая тайна нашего существования, без которой мы перестали бы быть людьми и стали бы стадом или машиной, роботами. Когда эта тайна забывается, когда человечество, коллектив, нация, раса начинают играть самодовлеющую роль и пытаются поглотить человека, тогда получается коммунизм или фашизм, миллионы в лагерях и газовые камеры. Но личность не может быть стерта, не может быть обращена в статистику. Каждая личность — целый мир, своеобразный, неповторимый, мир абсолютной ценности.

Людей неинтересных в мире нет. Их судьбы как истории планет. У каждой все особое, свое, И нет планет, похожих на нее.

Уходят люди... Их не возвратить. Их тайные миры не возродить. И каждый раз мне хочется опять От этой невозвратности кричать...

В этом стихотворении Евтушенко круг замкнулся, и мы снова стоим перед проблемой личной смерти: уходят безвозвратно люди, уходят це-

лые миры. Безвозвратно? Если это так, то все напрасно. «А тот мир, в котором смерть навсегда имеет силу безусловного закона, как же его называть, как не царствием смерти? И что такое ваше Царствие Божие на земле, как не произвольный и напрасный эвфемизм для царствия смерти?» — говорит господин Z (Соловьев) князю (Толстому) в «Трех разговорах».

Нельзя пытаться уничтожить зло на поверхности, оставив его неприкосновенным в самом истоке бытия. Это будет похоже на скашивание травы, когда корни остаются в земле. А зло в истоке бытия — это смерть, смерть равняющая всех, уничтожающая наилучшие намерения, усилия и старания, равнодушно пожирающая добрых и злых, умных и глупых.

Толстой хотел только бежать от смерти. Кириллов пытался преодолеть ее сам, один, гордо, в бунте, стать богом. Но бунтом смерть не преодолевается, бунтом-то она и вошла в мир. Желание человека стать Богом очень старое, оно лежит в начале нашей истории. «Адам хотел стать Богом и ошибся, не став им, а теперь Бог становится человеком, чтобы сделать Адама Богом,» говорит Сима Ларе и доктору Живаго, цитируя песнопение православной службы Благовещения.

Смерть вошла в жизнь грехом, бунтом против Источника жизни. Она может быть преодолена только послушанием в бесконечной любви и бесконечной жертвой. Смерть побивается смертью — мысль правильная, но не смертью бунта, гордыни и самости, а смертью любви и жертвы. «Смертию смерть поправ.» Такая смерть ведет к воскресению в более совершенную, еще более живую жизнь, чем до смерти.

«Действительная победа над злом в действительном воскресении. Только этим, повторяю, открывается и действительное Царствие Божие, а без этого есть лишь царство смерти и греха и творца их, дьявола. Воскресение — только не в переносном смысле, а в настоящем — вот документ истинного Бога,» — пишет Соловьев.

В действительном воскресении Христа лежит залог и нашего действительного воскресения, личного воскресения каждого из нас, возрождения всех тех внутренних миров, о невозвратимости которых хочется кричать Евтушенко. Только в истинном, действительном воскресении смерть преодолена, побеждена, только в нем восстановлен смысл жизни, восстановлена справедливость по отношению к каждому отдельному человеку, к каждой личности, а не только по отношению ко всему человечеству, к тому абстракт-

ному понятию, которое так легко вытесняет и подавляет человека.

«Если Христос не воскрес, то вера наша тщетна,» — говорит ап. Павел. Но без воскресения не только вера тщетна, тщетно и безверие. Оно не в силах разрешить проблемы смерти, оно навсегда наглухо сковано с этой темной неизбежностью и вместе с ней падает в небытие. Только воскресение Христа подымает мир из бездн, из пустоты, из Ничто. Это космический поворот мира, в сравнении с которым мелкими и жалкими кажутся все самые смелые полеты космонавтов, ибо смерть летит вместе с ними. Какая разница, достигнет ли она их в космосе, на Луне, на Марсе или на Земле?

В России чувство космического переворота мира в воскресении Христа, великого события преодоления смерти, было особенно глубоким. Нигде этот «праздник из праздников и торжество из торжеств» не праздновался так светло как на нашей родине. Он там и сейчас не забыт и, может быть, празднуется во многих душах еще чище и светлее, освобожденный от традиционной рутины. Тот, кто его так празднует, знает, что сколько бы ни метался мир, сколько бы ни искал, ни заблуждался, только действительное воскресение Христа дает выход из безвыходных вопросов, выводит мир из царства смерти в царство жизни.

Маленькая полуразвалившаяся церковка где-то с краю мира, далеко от грешного города Любимова, и старый, не шибко ученый поп Игнат, своей молитвой денно и ночью вызволяющий из беды нечестивое человечество (Синяевский-Терц) важнее всех громких достижений техники — техника облегчает жизнь, но она же может стать страшным орудием массовой смерти, — потому-то молитва старого священника направлена в единственный центр истинной жизни, к воскресшему Христу, без Которого весь блеск мира — смерть и тлен.

В. Пирожкова

«...Если бы мне удалось взлезть на верхнюю ступень развития — я и там бы попросил вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции Филиппа II и пр. и пр.; иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен на счет каждого из моих братьев по крови. Говорят, что дисгармония есть условие гармонии: может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить свою участью идею дисгармонии.»

В. Белинский, Из переписки.

Борис Пастернак

Гетсиманский сад

Мерцаньем звезд далеких безразлично

Был поворот дороги озарен.
Дорога шла вокруг горы Масличной,
Внизу под нею протекал Кедрон.

Лужайка обрывалась с половины.
За нею начинался Млечный путь.
Седые серебристые маслины
Пытались вдаль по ваздуху шагнуть.

В конце был чей-то сад, надел земельный.
Учеников оставив за стеной,
Он им сказал: «Душа скорбит смертельно,
Побудьте здесь и бодрствуйте со Мной».

Он отказался от противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь, как смертные, как мы.

Ночная даль теперь казалась краем
Уничтоженья и небытия.
Простор вселенной был необитаем,
И только сад был местом жития.

И, глядя в эти черные провалы,
Пустые, без начала и конца,
Чтоб эта чаша смерти миновала,
В поту кровавом Он молил Отца.

Смягчив молитвой смертную истому,
Он вышел за ограду. На земле
Ученики, усиленные дремой,
Валялись в придорожном ковчеге.

М. КАРПОВИЧ

Традиции русской общественной мысли*)

Автор помещаемой ниже статьи — известный русский историк и общественный деятель Михаил Михайлович Карпович.

Карпович родился в 1888 г. Среднее образование он получил в родном Тифлисе. Окончив гимназию, Карпович поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который блестяще закончил весной 1914 г., после чего был оставлен при кафедре истории.

Весной 1917 г., вместе с Б. А. Бахметевым, в составе «чрезвычайной миссии» Временного правительства, Карпович поехал на короткий срок в Вашингтон.

*) Сборник «Судьбы России», Нью-Йорк, 1957.

Он разбудил их: «Вас Господь сподобил,
Жить в дни Мои, вы ж разлеглись, как пласты.
Час Сына Человеческого пробил.
Он в руки грешников Себя предаст».

И лишь сказал, неведомо откуда
Толпа рабов и скопище бродяг,
Огни, мечи и впереди — Иуда
С предательским лобзаньем на устах.

Петр дал мечом отпор головорезам
И ухо одному из них отсек.
Но слышит: «Спор нельзя решать железом,
Вложи свой меч на место, человек.

Неужто тьмы крылатых легионов
Отец не снарядил бы Мне сюда?
И, волоска тогда на Мне не тронув,
Враги рассеялись бы без следа.

Но книга жизни подошла к странице,
Которая дорожке всех святынь.
Сейчас должно написанное сбыться,
Пускай же сбудется оно. Аминь.

Ты видишь, ход веков подобен притче
И может загореться на ходу.
Во имя страшного ее величья
Я в добровольных муках в гроб сойду.

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко Мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

Но судьба сложилась так, что этот короткий срок оказался сроком на всю жизнь.

Службу России Карповичу пришлось вести вне России, за ее рубежом. И этому служению он отдал все свои духовные и творческие силы.

В 1927 г. Карпович был приглашен в Гарвардский университет, где и оставался до выхода в отставку в 1957 г. Он читал лекции по общей истории России, по истории русской литературы 19-го века и по истории идейных течений в России.

В 1932 г. он выпустил на английском языке книгу об императорском периоде истории России («The Imperial Russia»), а позднее написал отдел о России в большом коллективном труде «Экономическая история Европы». Карпович воспитал целое поко-

ление американских историков. Многие его ученики стали профессорами. После его выхода в отставку, семь профессоров, его бывших учеников, выпустили в его честь (на английском языке) сборник статей, озаглавленный «Русская мысль и политика». Но деятельность Карповича не ограничивалась университетским преподаванием. Он играл видную, постоянно

являющую и активную роль в культурной и общественной жизни русской эмиграции.

Отметим здесь лишь его участие в «Новом Журнале». С 1943 г. он один из членов редакции, а с 1946 г. по 1959 г. он являлся единоличным руководителем этого издания.

Карпович скончался 7-го ноября 1959 г.

Если бы советский читатель мог прочесть историю русской общественной мысли в правильном освещении, он не мог бы не увидеть прежде всего разительного контраста между богатством разнообразия, отличающего эту мысль в дореволюционное время, и тем унылым однообразием, которое водворилось в ней под гнетущим давлением официальной советской доктрины. Ни в один период русской истории, от 18 века до 1917 г. включительно, для русских мыслителей не существовало одной обязательной истины, одного — только одного — возможного подхода к проблемам мироздания, науки или искусства, личной или общественной жизни. Это был действительно «путь борьбы и исканий», процесс свободного соревнования различных философских, эстетических и общественно-политических течений, — того столкновения мнений, в котором только и может рождаться истина.

Факта этого разнообразия не решается отрицать даже и советская историография. Но она тут же обедняет его содержание и извращает его значение, приписывая его целиком наличию классовых противоречий в дореволюционном обществе и видя в нем не столько положительное, сколько отрицательное явление. Другое дело — созданное октябрьской революцией социалистическое общество, в котором, при отсутствии классовых противоречий, нет почвы и для идеологических разногласий. Отныне русская общественная мысль может наслаждаться обладанием навсегда установленной единой истиной. Нужно ли говорить, что в применении одинаково к истории и к современности это построение является именно «вульгаризаторством и упрощенчеством»? Без насилия над исторической действительностью русских мыслителей дореволюционного времени никак нельзя аккуратно разложить по классовым полочкам, так же как без насилия над очевидностью нельзя серьезно говорить об отсутствии социальных, политических и идеологических противоречий в современной России и изображать ее страной естественного единомыслия и единодушия. Главное же, что опорачивает эту схему, это сказывающееся в ней предельное непонимание необходимости умственной свободы для всякого рода культурного творчества.

В дореволюционной России, за исключением немногих обскурантов и еще более малочисленных наемных правительственных агентов, необходимость этой свободы понимали и отстаивали все умственные деятели — независимо от тех направлений, к которым они принадлежали. Начиная со второй половины 18 века ее одинаково отстаивали масоны и «вольтерьянцы», идеалисты и материалисты, славянофилы и западники, либералы и социалисты, народники и марксисты, «постепеновцы» и революционеры. Это была одна из основных и неотъемлемых черт дореволюционной русской интеллигенции. Можно сказать, что идейная независимость от правительственного давления была ее определяющим качеством.

Происшедшее после Октября вынужденное перерождение интеллигенции в служилый класс специалистов по культурным делам, поставленных в полную материальную зависимость от правительства и под его идейный контроль, является может быть самым трагическим примером тех насильственных изменений, которые советский режим произвел в русском общественном укладе. И в этом случае тоже — контраст между положением дореволюционным и современным чести советскому режиму не делает. Фикция добровольной солидарности советской интеллигенции с режимом настолько прозрачна, что она едва ли многих может обмануть. Против нее слишком громко говорят общеизвестные факты периодических чисток, организованных публичных покаяний, неоднократных изменений ранее высказанных научных мнений, в явной связи с необходимостью следовать зигзагам партийной линии, словом — весь мартиролог советской интеллигенции.

По понятным причинам прямых упоминаний об этом в советской литературе встретить нельзя. Но зато она часто и много говорит о преследовании царским правительством прогрессивных русских мыслителей, о цензурных стеснениях, от которых страдали выдающиеся русские писатели, или о репрессиях, которым подвергались некоторые университетские преподаватели. Для обвинительного акта этого рода материала в русском дореволюционном прошлом достаточно. И все же... «Как посмотреть да посравнить век нынешний и век ми-

нувший» — сравнение получается не в пользу «века нынешнего».

Это не полемическое утверждение, а простое констатирование исторического факта. Оставим в стороне весь период, начиная со второй половины 19 в., в течение которого пределы умственной и культурной свободы в России непрерывно расширялись — пока в последнее дореволюционное десятилетие эта свобода достигла объема, о каком для сегодняшней России пока еще даже и мечтать не приходится. Возьмем царствование Николая I-го, этот «апогей самодержавия» в русской истории — ведь это про него Герцен сказал, что оно было «удивительным временем внешнего рабства и внутреннего освобождения». Как это могло случиться?

У царского правительства того времени, при всех его огромных недостатках, было одно преимущество перед правительством советским; оно не было тоталитарным. Оно не ставило себе утопической задачи создать «новую породу» людей средствами государственного воздействия. Придумав формулу «самодержавие, православие и народность», оно не превратило ее в систематическую и всеобъемлющую идеологию — у него и в мыслях не было стать **идеократией**. Оно хотело, конечно, иметь покорных, не посягающих на его авторитет подданных и для этого стремилось охранить их от «заразы» «разрушительных» идей. Его цензура носила поэтому преимущественно негативный характер: не допускать выражения превратных идей, не позволять обсуждения щекотливых общественно-политических вопросов. Но, за исключением субсидируемых изданий официального характера, оно не могло да и не пыталось заставить писателей говорить то, чего они говорить не хотели. Оно не бралось предписывать им, что и о чем они могли писать или как они должны были писать. И уж, конечно, оно не выступало в роли верховного арбитра научных и литературных стилей! Помимо того, для установления действительного всеобъемлющего контроля над всеми проявлениями национальной жизни в его распоряжении не было и тех технических средств, какими располагает современное тоталитарное государство. Даже пресловутое третье отделение кажется ученическим опытом по сравнению с тем колоссальным аппаратом принуждения и подавления, какой удалось создать советскому режиму. Не было у него и сколько-нибудь достаточного пропагандного аппарата для постоянного воздействия на умы и души. Оно не имело монополии на все без исключения средства публичного выражения философской, научной, общественной мысли или литературного и художественного творчества. И наконец ему приходилось обходиться с помощью бюрократической администрации традиционного типа и ничего подобного

коммунистической партии в его распоряжении не было. В этих условиях оно никогда не могло осуществить полностью те внутренне-политические задачи, которые оно себе ставило. Его формально абсолютная власть на деле была ограничена его неумелостью — великое благо, когда речь идет об авторитарном или деспотическом правительстве!

Только поэтому эта эпоха «внешнего (т. е. политического) рабства» могла стать и эпохой «внутреннего (т. е. умственного и культурного) освобождения». Царствование Николая I-го было не только периодом блестящего расцвета русской художественной литературы, но и временем, когда сложились многие из основных течений русской общественной мысли — сложились **независимо** от правительства и **вопреки** правительству. Можно ли представить себе возникновение подобного явления в современной России пока она остается под властью коммунистической диктатуры?

При всем разнообразии русской общественной мысли дореволюционного времени в ней все-таки можно выделить некоторые основные черты, общие для большинства ее течений и настолько постоянные, что их можно рассматривать как традиции.

Как я уже указывал, эта мысль была прежде всего свободолобива. Было бы ошибкой понимать это свободолобие только в смысле политическом. Конечно, задача политического освобождения играла очень большую роль в идеях, настроениях и планах русской интеллигенции, начиная с декабристов, и с течением времени задача эта в их сознании становилась все более настоятельной. Но за этой политической задачей, а в некоторых случаях и независимо от нее, стояла основополагающая идея **свободы человеческой личности**.

Вопреки распространенному в некоторых западных кругах представлению, что русская мысль по природе своей коллективистична и не выработала ясного понятия личности, правильно было бы утверждать прямо противоположное: что у целого ряда русских мыслителей, притом очень друг от друга отличных, можно найти чрезвычайно острое сознание ценности и достоинства человеческой личности и ее неотъемлемого права на свободу. Пушкин не был ни философом, ни политическим мыслителем, но его поэзия проникнута чувством свободы — именно в этом более широком смысле. В исканиях идеалистов 30-х годов проблема человеческой личности и ее свободы занимала едва ли главное место. Знаменитый бунт Белинского против Гегеля был поднят им во имя отдельной человеческой личности, которую он отказывался принести в жертву какой-либо «всеобщности». У Герцена чрезвычайно широкое понятие свободы, переходившее далеко за рамки даже самых ра-

дикальных политических и социальных изменений, в основе своей тоже имело идею личной свободы — свободы человеческой воли, человеческого творчества, человеческой мысли. Выработанное славянофилами понятие «соборности», опять же вопреки распространенному заблуждению, не только не исключало свободной человеческой личности, но наоборот ее предполагало. Писаревский «нигилизм» был прежде всего стремлением к эмансипации личности от мешающих ее свободному развитию традиций, авторитетов и условностей. Народничество 70-х годов было «религией социального долга», но среди его учителей были Лавров, видевший главного двигателя прогресса в «критической мыслящей личности», и Михайловский, поднявший знамя «борьбы за индивидуальность». Одновременно Достоевский, человек совсем другого лагеря и других политических взглядов, тоже сделал вопрос о личности и ее свободе центральным пунктом своей тематики.

Так, исходя из разных мировоззренческих предпосылок, во многом несогласные между собою, русские мыслители сходились на признании непререкаемой ценности человеческой личности. Для всех них одинаково — не человек был для субботы, а суббота для человека. Никто из них не соглашался примириться с тем, чтобы человеческая личность была превращена в простое средство для достижения каких-либо государственных, национальных, политических, расовых или классовых целей. Напротив, именно благо этой человеческой личности, понимаемое, конечно, не в одном только материальном смысле, было в их глазах верховным мерилем в оценке всякого государственного и общественного строя, всякой программы его переустройства, всякой теории исторического прогресса.

Это подчеркивание значения и ценности личности не приводило, однако, ни одно из указанных мною течений к узкому индивидуализму нищеземского или иного сходного типа, не приводило потому, что в их индивидуализме была необыкновенно сильная этическая струя, ярко выраженное моральное чувство. Свобода личности была для них неразрывно связана с ее ответственностью, с сознанием ее нравственного долга перед каждым из «братьев по крови», как писал Белинский. В народничестве 70-х годов эта связь свободолобия с народолобием сказалась с особой напряженностью, и знаменитое «хождение в народ», при всей его политической неподготовленности и бесплодности, навсегда останется примером высокого морального воодушевления и бескорыстной жертвенности.

Но ведь та же черта, хотя бы и не всегда в такой же драматической форме, проявлялась задолго до появления народничества (вспомним хотя бы Радищева) и осталась характер-

ной для русской интеллигенции и в дальнейший период ее истории. Едва ли будет преувеличением сказать, что в Европе 19-го и начала 20-го века Россия была страной, интеллигенция которой выделялась сильно развитым чувством социальной справедливости, постоянной озабоченностью о судьбах народа и желанием ему послужить.

И так же как в вопросе об отдельной человеческой личности, так и в своем отношении к народу (в условиях того времени это было прежде всего крестьянство) русская интеллигенция видела в нем не средство для достижения своих целей, не опытное поле для произведения социально-политических экспериментов, а своего рода коллективную личность, в которой она уважала ее самобытность и чаяния и нужды которой она стремилась познать. Пусть это ей не всегда удавалось, пусть в своих попытках определить народную самобытность представители отдельных ее течений далеко не всегда между собою сходились, — ценность ее общего подхода это нисколько не умаляет. За немногими исключениями, в духе своего отношения к народу, дореволюционная интеллигенция была едина. Я не знаю лучшего выражения этой основной солидарности, чем замечательные строки, которые Герцен написал о славянофилах в январе 1861 г., после смерти Константина Аксакова:

«Да, мы были противниками их, но очень странными: у нас была одна любовь, но не одинакая. У них и у нас запало с ранних лет одно сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминание, а мы — за пророчество: чувство безграничной, обхватывающей все существование, любви к русскому народу, к русскому быту, к русскому складу ума. И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как **сердце билось одно**».

С признанием за народом права на самобытное существование была неразрывно связана идея народной самодельности, народного самоуправления. В своем логическом развитии эта идея приводила к мысли о необходимости создания в России правового демократического государства. Не все из свободолобивых течений русской общественной мысли пришли к этому выводу с надлежащей быстротой, а некоторые из них и вообще его не сделали. Так славянофилы до конца не изжили своих иллюзий насчет возможности обеспечить русскому народу свободное и самобытное развитие на основе неписанного соглашения между народом и благожелательной властью, без каких бы то ни было конституционных гарантий. Ранние народники, правда — по другим мотивам, тоже проявляли некоторое равнодушие к проблемам политического оформления народной свободы и от-

носились с недоверием к существовавшим тогда на западе образцам конституционного строя. Но уже к концу 70-х годов наиболее активная часть народничества, в лице партии Народной Воли, пришла к сознанию необходимости бороться в первую очередь за политическую свободу и за установление в России демократического государственного строя.

Как бы то ни было, и здесь наиболее существенным является не различие между отдельными течениями русской общественной мысли, в тех или иных деталях их политических построений, а сходство между ними в основном подходе. Важнее всего то, что для свободной русской дореволюционной мысли, за ничтожными исключениями, характерны отсутствие культа государства как самостоятельной ценности и настойчивое подчеркивание его чисто служебной роли. Не человек для государства, а государство для человека! И это подчеркивалось так часто и подчас с такой силой, что иногда даже могло произвести впечатление склонности к анархизму. На самом деле, несмотря на то, что самые знаменитые анархисты XIX века, Бакунин и Кропоткин, оба были русские (к этим двум именам можно прибавить еще третье — религиозного анархиста Толстого), — анархизм, как определенное политическое течение, никогда не играл в России сколько-нибудь значительной роли. Необходимость государственной власти признавалась, но отрицалась законность притязаний с ее стороны на всемогущество, на установление контроля над всеми проявлениями национальной жизни. Славянофилы, как известно, были сторонниками монархии и притом монархии не ограниченной конституционными постановлениями. Но в славянофильской концепции власть монарха должна была быть неограниченной только в пределах определенно ограниченной сферы действия: защиты внешней безопасности страны и обеспечения порядка внутри страны. В обмен на предоставление ей полноты власти в этой области, славянофилы настаивали на добровольном отказе монархии от вмешательства во внутреннюю жизнь народа, под которой они понимали не только религию, образование и вообще всю национальную культуру, но и экономическую деятельность. Нужно ли говорить, что идея всемогущей и всеобъемлющей государственной власти была одинаково чужда как народничеству, с его приверженностью к общинному началу, к областничеству и вообще к децентрализации, так и русскому конституционному либерализму?

Можно утверждать поэтому, что преобладавшие в дореволюционное время идеи о нормальной роли государства в народной жизни представляли собою прямую противоположность современной тоталитарной концепции.

Не была популярна в русской общественной мысли, включая радикальные ее течения, и идея революционной диктатуры. Еще Радищев осуждал Кромвеля за то, что он, освободив Англию от деспотизма Стюартов, установил в стране свое собственное деспотическое правление. Для Радищева образцом достойным подражания был Вашингтон, который, после достижения американской независимости, добровольно сложил с себя свои полномочия, предоставив народным представителям выбор главы вновь образованного государства. Очень интересны и показательны политические высказывания молодого Пушкина, переживавшего в те годы (1817-1825) свою наиболее «радикальную» фазу. В оде «Вольность» (1817), несомненно вдохновленной Радищевым, Пушкин объявляет своим идеалом —

«...С вольностью святой
Законов мощных сочетанье».

Там, где это сочетание свободы с законом нарушается, открывается дорога для насилия. Оно оправдано только тогда, когда иных средств для борьбы с нетерпимой тиранией не остается. Вот почему Пушкин признает необходимость убийства «увенчанного злодея» Павла I, но осуждает как преступление — казнь «мученика» Людовика XVI-го. Та же мысль и в «Кинжале» (1821). Кинжал это — «последний судия позора и обиды». К нему приходится прибегать только там «где дремлет меч закона». Пушкин видит историческую Немезиду одинаково и в убийстве Юлия Цезаря «вольнлюбивым» Брутом, и в убийстве Марата — Шарлотой Корде. Вот как он говорит о Марате:

«Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник».

Еще сильнее осуждение применяемого революционным правительством террора в «Андрее Шенье» (1825). Пушкин вкладывает это осуждение в уста Шенье, которого он называет «певцом свободы»:

«Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с
палачами
Избрали мы в цари. О ужас, о позор!»

Я остановился на политических стихах молодого Пушкина во-первых потому, что они несомненно отражают взгляды распространенные в передовых кругах русского общества того времени, — а время это непосредственно предшествовало декабрьскому восстанию. В связи с этим не мешает отметить, что при всем личном престиже Пестеля среди декабристов, те авторитарные элементы в его политическом облике, которые роднили его с якобинцами, сочувствия со стороны большинства членов Тайного Общества не встречали. Во-вторых, ярко выраженное в пушкинских стихах от-

рицательное отношение к якобинской фазе французской революции (т. е. к периоду революционной диктатуры) стало своего рода традицией в русских оппозиционных и даже революционных кругах. Позднее термин «якобинец» применялся в осудительном смысле к таким революционным деятелям как Нечаев и Ткачев, причем под якобинством понималась сугубо заговорщическая деятельность, не связанная с массовым движением и направленная на захват власти революционной элитой, рассчитывающей оставить за собой эту власть и после победы революции. Конечно, партия «Народной Воли» тоже состояла из революционной элиты (ее Исполнительный Комитет и был «партией»), а среди ее членов были люди с якобинскими тенденциями, но все же партия в целом на позиции революционной диктатуры не стояла. Напротив, она выдвинула идею созыва свободно избранного Учредительного Собрания, решениям которого она вперед обещала безоговорочно подчиняться. Из духовных родоначальников народничества — авторитарные, якобинские настроения и мысли можно найти у Бакунина, но как раз они на русских «бакунинцев» того времени влияния не оказали. О каком-либо якобинстве у Герцена и говорить не приходится. Человек огромной внутренней свободы, он не признавал никаких внешних авторитетов, в том числе и революционных. Поклонение «фригийской шапке» (символ французской революции) было для него так же неприемлемо как и поклонение любому монархическому символу. В его глазах революционное идолопоклонство было ничуть не лучше всякого другого¹⁾.

На протяжении всей второй половины XIX века и первых десятилетий XX века демократическая концепция революционного переустройства России, основанная на идее массового движения и народной самостоятельности, неуклонно укреплялась за счет якобинских (или как позднее стали говорить — бланкистских) тенденций, и в ней стали видеть единственный возможный путь к достижению поставленных русскими радикальными партиями целей. От Герцена до Плеханова включительно, видные представители русской общественной мысли выступали с предостережениями против отклонения от этого пути, указывая, что авторитарная, диктаторскими методами навешанная революционная программа не могла приве-

¹⁾ Я сознательно оставляю в стороне спорный вопрос о якобинских элементах в политических взглядах Чернышевского. Я готов согласиться с Н. Вольским, что они у него были и что именно они оказали сильное влияние на молодого Ленина. Но думаю, что для большинства революционеров того времени личность и учение Чернышевского значили нечто другое.

сти ни к демократии, ни к социализму. Она могла привести только к новому и худшему народному рабству — к господству того «самодержавного коммунизма», о котором так пророчески писал Герцен.

В мою задачу не входит изложение истории образования того, что можно назвать большевистской доктриной. Она сложилась не сразу и в развернутом виде была формулирована ее создателем, Лениным, только в 1917 г. В течение дореволюционного периода своей деятельности Ленин, по крайней мере на словах, присоединялся к той демократической концепции ожидаемой революции, которая была общей для всех русских социалистических партий. Но уже и тогда, и притом задолго до 1917 г., в его высказываниях, а в особенности — в его политических действиях можно было найти элементы, стоявшие в непримиримом противоречии как с этой концепцией, так и вообще с основными традициями передовой русской общественной мысли.

Как бы то ни было, в окончательной своей форме ленинский большевизм оказался не «завершением», а наоборот, — отрицанием этих традиций. Это и привело к изоляции большевизма от всех остальных русских общественно-политических течений — изоляции, начавшейся еще до революции и к 1917 г. в сущности уже завершенной. Большевизм был тогда «сектантской» верой, никакой значительной роли в культурной и умственной жизни русского общества не игравшей. Никаких шансов на победу в свободном состязании идей у него не было. Только захват власти сопровождавшийся созданием беспримерного в истории аппарата контроля над человеческой мыслью, позволил большевикам насильственно навязать стране свою сектантскую веру как обязательное для всех мировоззрение.

Идеологические и психологические корни большевизма приходится искать в раннем марксизме эпохи революционного коммунизма середины прошлого века и в русском революционном подполье якобинского типа 1860-х—1870-х гг. В соответствии с заговорщицеским пафосом большевистского движения, Ленин брал из этих двух источников их авторитарные и сектантски-доктринерские элементы: идею диктатуры, идею революционной элиты, веру во всемогущество революционного насилия, презрение к «формальной демократии», политический аморализм и фанатическую нетерпимость в отстаивании революционной доктрины, претендующей на роль всеобъемлющего и всеобязательного мировоззрения.

В результате получилась система, в основных своих позициях полярно-противоположная всему тому, что накануне революции 1917 года составляло общее достояние русской общественной мысли.

Дух свободолюбия ленинскому большевизму был чужд с самого начала и остался чужд ему до конца. Его место занял дух насилия и принуждения. О самоценности и достоинстве человеческой личности для большевизма не могло быть и речи: человек был только средством к достижению поставленных себе большевиками революционных целей. В жертву этим целям они готовы были принести, без каких-либо сомнений и колебаний, не только отдельных людей, но и целые общественные группы. Народолюбие прежних революционеров сменилось чисто «прикладным» подходом к народным массам. Судьбой крестьянства, как такового, Ленин озабочен не был. Крестьянство интересовало его в сущности как «пушечное мясо». Рядом тактических маневров он сначала старался использовать крестьянство в целом для свержения царского правительства и для захвата власти, а потом, когда эта цель была достигнута, началось разжигание «классовых противоречий» в крестьянской среде, ознаменовавшее эпоху «военного коммунизма». НЭП не только оказался временной передышкой, но и был задуман в качестве таковой, и хотя «ликвидация кулачества как класса» и принудительная коллективизация произошли уже после смерти Ленина, нетрудно доказать, что они были только логическими выводами из общего его стратегического замысла. Та же самая стратегия —

стратегия политического обмана — была применена Лениным и его последователями и по отношению к национальностям бывшей Российской Империи.

Идея служения народу была подмечена в большевизме идеей властного руководства народом. В созданной большевизмом концентрической системе командования — места для народной самодеятельности не нашлось. «Пролетариат» ведет за собою трудящиеся массы; коммунистическая партия ведет за собою пролетариат; центральный комитет командует коммунистической партией; политбюро командует центральным комитетом — в течение многих лет единый вождь командовал политбюро. В этой, построенной по армейскому образцу, системе не остается и тени демократии. Честь изобретения тоталитарного государства принадлежит большевизму: Муссолини и Гитлер были только учениками и подражателями Ленина. Всемогущество этого сверхцентрализованного государства оставляет далеко за собою все прежние деспотические режимы. Этой его сути не могут прикрыть ни употребляемая им демократическая фразеология, ни все те видимости «народного участия», которые он ухитрялся создать. Демократия значит народоправство, а его не может быть без народного волеизъявления и народного самоуправления.

О. ПИНГВИНОВ

Задачи эмиграции*)

Нам не дано знать ни сроков освобождения России из под власти коммунистической диктатуры, ни тех путей, которыми оно пойдет. Но в том, что оно наступит, — сомневаться не приходится. За это порукой творческие силы русского народа, уцелевшие и под беспримерным гнетом этой диктатуры.

Сейчас для нас не ясен — и не может быть ясен — облик той возрожденной России, которая придет на смену коммунистическому режиму. Но можно сказать с уверенностью, что в процессе этого возрождения сыграют свою роль и традиции дореволюционной русской общественной мысли. Не те или иные из прежних политических или социально-экономических программ, неизбежно утративших сейчас свою актуальность, а те основные, исходные положения, о которых идет речь в этой статье. В отличие от отдельных ошибочных прогнозов и иллюзий, правильность этих

основных положений не только не была опровергнута, но напротив была подтверждена историческим опытом нашей эпохи и прежде всего — трагическим опытом нашего народа. Подлинное возрождение России может произойти только на путях свободы и народной самодеятельности и в рамках правового демократического государства.

Есть ли у нас основания для дезертирства с политического фронта и пессимистического настроения? Действительно ли столь безотраднa обстановка как международная, так и внутри отечества, что мы должны воскликнуть: «ты победитель, коммунизм!» Имеем ли мы моральное право сдаваться и тушить огонь политического накала, превращаться из политических эмигрантов, политических скитальцев — в беженцев, стремящихся к ассимиляции и мещанскому бытию?

Самое парадоксальное в нашем положении то, что нынешняя международная обстановка и политическое положение внутри СССР теоретически наиболее благоприятны для полити-

*) Новое Русское Слово, Нью-Йорк, 15 августа 1965 г. (статья помещается в сокращенном виде).

ческой активности, которая, конечно, должна быть правильно ориентирована и вовсе не обязана быть политической по форме, быть пропагандой или агитацией с антикоммунистическими лозунгами.

Какова на самом деле политическая карта нынешнего мира, какие политические и идейные потрясения характерны для наших дней? Несомненно, что человечество сейчас переживает серьезный и, повидимому, затяжной кризис, очень сложный и запутанный, в котором идеалы и вождения, насилие и непротивление злу, честность и подкуп, национализм и интернационализм сопутствуют друг другу и часто неотделимы одно от другого.

Кризис охватывает международное коммунистическое движение, но под знаком кризиса находится и антикоммунизм; кризис переживает политическая эмиграция, но и борьба с нею расшаталась.

Коммунизм размагничивается, дрожит, но продолжает экстенсивно расширяться, подобно кольцу табачного дыма: увеличивается диаметр охвата, а внутри создается вакуум. Коммунизм как идея выхолащивается в СССР, потерял всякую притягательную силу в восточноевропейских странах советского блока, но на международной периферии все еще создает иллюзии, находит питательные соки. В международном коммунистическом движении происходит спонтанная реакция распада. Перестав быть монолитным, это движение распалось на два блока — советский и китайский, не считая экстравагантного коммунизма Югославии. А сейчас идет дальнейшая борьба за независимость: каждая компартия желает строить социализм по собственному разумению, по своему образцу. Румыния — последний образец восстания против давления «старшего брата».

Внутри Советского Союза происходит ревизия пути, прототипного Хрущевым в направлении царства коммунизма, происходит переоценка всей практической деятельности, — переоценка постепенно перекидывающаяся и на теоретические устои. Быть может, самые главные противоречия между отцами и детьми, между теми, кто создавал культ личности, вырос на его дрожжах, и теми, кто не приемлет формы покаяния своих отцов и тех, кто сгубил их отцов.

Нельзя не заметить значительный рост нео-западничества в философии, литературе и в искусстве. Намечается и политическое западничество, подогреваемое конфликтом с коммунистическим Китаем. Перед страной стоит дилемма: в союзе с Западом, или подчиниться гегемонии китайского ортодоксально-изуверского коммунизма, с плохо скрываемым расовым налетом.

Люди в Советском Союзе жаждут духовного возрождения, стремятся

найти утерянные нити, которые связывали когда-то русскую культуру с мировой, делали ее частью западной культуры. Последние нити ведут к наследию нашей эмиграции. Поэтому растет желание приобщиться к духовным ценностям эмиграции. Оно настолько сильно, что власть стремится, в целях одновременной нейтрализации политической эмиграции, захватывать исподволь ее культурное наследство. Посланцы советского правительства ищут и скупают материалы из личных архивов умерших писателей, общественных и политических деятелей эмиграции, обхаживают вдов и наследников умерших, заверяя, что те принадлежат всему народу, а не эмиграции. Стоит умереть какому-нибудь, проживающему в эмиграции писателю, как в Советском Союзе выпускают избранные произведения покойного, как например, Бунина, Чирикова, Шмелева и других. Выпустили сборник произведений Гусева Оренбургского еще при его жизни. Со многими учеными в эмиграции налаживают «нейтральный» контакт, разрешают переписываться с ними, и даже кое-что из их трудов печатают.

Все это делается для того, чтобы заверить неискушенных советских граждан, что все крупное и ценное в эмиграции готово сотрудничать с советской властью, признает свои прошлые ошибки перед советской родиной, но некоторым только смерть помешала осуществить давнее желание — «пойти в Каноссу». Живущим же мешают угрозы и давление со стороны антисоветских элементов, а то они поехали бы с покаянной, как Куприн или Шульгин. Правда, Шульгина не пустили в родной город, в Киев, а поселили во Владимире. Кстати, в этом городе находится главная тюрьма для уловленных за границей «покаявшихся», для шпионов, иностранных агентов и т. п.

У советской молодежи интерес не только к творчеству нашего зарубежья, но и вообще к некоммунистическим идеям. Поэтому они интересуются Ясперсом и Бердяевым, Хайдеггером и Лосским, Шопенгауэром и Шестовым. Интерес к немарксистской философии столь велик, что из рук в руки ходят старые издания философов-идеалистов, русских интуитивистов. Попав за границу, советские граждане желают прежде всего ознакомиться с эмигрантскими изданиями русских писателей, с картинами русских художников, работавших в зарубежье.

Очень сильна тяга ко всему новому в идейной жизни Запада, в его искусстве, литературе. Интересуются тем, что ставят в театрах Парижа, Вены, Лондона, Нью-Йорка. Очень хорошо знают имена крупных писателей мира, названия новинок западного кино. Все это носит по форме аполитичный характер, но по сути это отталкивание от готовых партийных рецептов,

является особым видом политических исканий, исканий новых идеалов.

Эмиграция может стать рукой, оказывающей поддержку ищущим, она может быть и мозгом, который будет питать новыми мыслями. Опасность подобного посредничества хорошо видна партийному надзору. Он понимает, какую угрозу создает эмиграция, даже не преследующая политических целей, сознает лучше, чем мы сознаем свою духовную силу. Поэтому борьба с эмиграцией ведется по самым различным направлениям и самыми разнообразными способами. Это и борьба за духовное наследство эмиграции, о чем я уже сказал. Далее, это попытки нейтрализации эмигрантской идейно-культурной и социально-политической деятельности путем переброски мостов и мостиков к отдельным эмигрантским деятелям и организациям, обещания публиковать и поддерживать, не требуя перехода на коммунистические рельсы, и даже реверансов власти. Нужно только, чтобы высказывали любовь и патриотизм к «надысторической» родине. Ну, и конечно, отказ от антисоветской деятельности.

В некоторых случаях советским удалось создать предмостное укрепление на эмигрантском берегу.

Разложение политической эмиграции играет двоякую роль. Во-первых, стремятся обессилить ее идейно, а во-вторых — показать внутреннюю оппозицию, что у нее нет поддержки в эмиграции, которая сама только и стремится перейти в лагерь победителя.

В этой очень сложной обстановке, отягощенной неблагоприятными тенденциями развития международного положения и стоит вопрос: как нам быть? Ясно, что старые пути прямой политической борьбы превратились в узкую тропу, постепенно делающуюся непроходимой. Почти сто лет назад Салтыков-Щедрин писал: «Наше время, по справедливости называется переходным, то есть таким, которое не столько дает готовые ответы на вопросы, сколько собирает материалы для этих ответов». Для нашего времени — нет повторения той ситуации, но есть известная аналогия. Истекшее, после смерти Сталина, десятилетие обострило в нас сознание необходимости искать путей воздействия на меняющееся советское общество. Нужно прокладывать новые дороги, старые стали непроходимыми...

Ряды эмиграции сильно поредели, особенно ощутимы потери крупных деятелей, но это вовсе не значит, что политическая эмиграция должна саморазрушаться. Сколько бы нас ни было, но мы должны оставаться на посту до тех пор, пока на нашей родине не будет легальной оппозиции. А сейчас мы ее представляем, ее заменяем.

Если приходится говорить об оппозиции, то — не ограничивая ее политическим фронтом. Вероятно, сейчас

в чисто политической оппозиции и нет надобности. Вопрос идет об оппозиции догматическому философскому материализму, об оппозиции обязательной социологической схеме коммунизма, об оппозиции социалистическому реализму в литературе, в искусстве, в кино, об оппозиции научной схоластике, словом о борьбе против всего, что обедняет духовную жизнь нашего народа. Мы потому и должны стоять на посту, что на нас смотрят, нас ищут все те, кому дорога духовная свобода на нашей родине.. Ни дезертировать, ни мародерствовать нам не дано историей, может быть не дано и победить.

Актер Щепкин в своих воспоминаниях приводит случай, когда кто-то, услышав крики утопающего, не раздумывая бросился в воду и сам начал тонуть. Когда обоих вытащили, то выяснили, что неудачливый спаситель сам плавать не умел. Но он не мог видеть, как на его глазах погибает человек. И мы, политические эмигранты не должны считаться, умеем ли мы плавать по политическому морю как Герцен, а обязаны спасать свободу мысли, давать надежду, что мы придем на помощь в любую минуту и любую погоду.

Свято-Серафимовский дом

5-го декабря 1965 г. в Нью-Йорке был открыт дом Церкви и Фонда Преподобного Серафима Саровского Чудотворца.

На торжественном открытии дома выступил его организатор и настоятель Св.-Серафимовской Церкви протоиерей Александр Киселев.

Ниже мы приводим выдержки из его речи.

...Вот еще два года и мы будем отмечать горестный юбилей полувековой русской трагедии. Каково же соотношение наших сил и сил наших врагов?

Наши ряды поредели. Особенно оскудел ведущий интеллектуальный слой. За 50 лет жизни по чужбинам, обыкновенно в очень тяжелых условиях, эмиграция наша доблестно несла честь русского имени. Но вот теперь повсюду слышна речь об усталости.

Что же делается в лагере врага? Там все хорошо только на казенной бумаге. Приведу одно сравнение. Мы жалуемся на скудность смены из рядов «детей». Почему это происходит? Потому, что многие наши дети не хотят идти голодным и холодным путем эмигрантов-отцов. Но значит ли это принципиальное отрицание идеалов, которым служили отцы? Отнюдь нет!

Каково же положение с молодой сменой у компартии СССР? Там тоже характерен отказ детей идти путем отцов. Но по какой причине? Потому, что дети считают путь отцов ложным. Отказываются им идти, несмотря на то, что отказ от отцовского пути обрекает на полуголодное и гонимое положение.

К кому же из нас тогда ближе может оказаться победа завтрашнего исторического дня? При таком положении, жизнеспособность наша, как носителей тех идей, ради которых мы за рубежом, становится необходимостью первой важности.

Думая обо всем этом нам нужно учитывать очень важное обстоятельство. Так называемый Железный За-

навес был когда-то действительно непроницаемым. Раньше знание о том, что там делается было почти исключительно нашим достоянием — достоянием тех, кто чувствовал себя братьями страждущих там. Мы не столько ухом, сколько любящим сердцем слышали стоны родных нам по крови людей, ощущали великое насилие над нашей с ними общей матерью — Россией. Теперь это стало общедоступным фактом, очевидным столь же для нелюбящих, как и для любящих. Это обстоятельство дает нам возможность находить друзей нашему православному русскому народу среди тех, кто по мотивам общечеловеческой гуманности протестует против бесчеловечности и несправедливости. Послания героев-верующих за своими подлинными подписями посылающих призывы о помощи или группа верующих, пришедшая из Сибири в Москву к воротам американского посольства, или девушки — багистки, объявившие голодовку, как протест против религиозных преследований, гонимые евреи, гонимые мусульмане и наконец, православные; беззащитны и католики, защищенные силой Ватикана. Герои — епископы, идущие на муки, в тюрьмы, но не склоняющиеся... всему этому нет числа... Но не только стон приходит из России. Оттуда, через бреши Железного Занавеса, идет и другой поток — поток русского гения. И того, который рискнули выпустить за рубеж — Уланова, Рихтер, Растопович, Ахматова и др. и того, который держат за семью печатями — Пастернак, Солженицын... да разве мы можем знать кого и сколько там держат? Все они своим гением, обаянием, мужеством, порождают сотни тысяч наших друзей по всему миру.

Правительство СССР утверждает, что только благодаря коммунизму они и смогли появиться. Но вот тут-то и открывается наша миссия — не отдать СССР того, что принадлежит вечной России, которая на нашей

родине не умерла, но, наоборот, все явственнее дает о себе знать.

...Наша задача, как свободной части русского народа, заключается в том, чтобы действительно, по удачной формулировке профессора Ульянова «быть Россией за пределами России.»

Пусть же этот наш Дом будет подворьем гонимых на родине верующих людей, пусть будет он посольством поработанного русского народа!

Это не право. Такого права нам никто не может дать и нам не у кого его спрашивать, но это наша святая обязанность!

...Мы — уста призванные к молитве за плененный народ.

«И если зажмут мой измученный рот, Которым кричит стомиллионный народ...»

писала всего несколько лет тому назад Ахматова.

Мы — те, кто своими свободными ртами скажут на Западе то, что они там не могут произнести.

Мы — те, которые должны тут думать, писать, печатать, говорить, изучать то, что там, в условиях рабства, сделать нельзя. Мы те, которые отсюда туда должны передать то, что там жаждут иметь, но чего там негде взять.

...Мы все достаточно благоустроены в личной жизни и никто не может отговариваться незнанием происходящего в России, если он сознательно не закрывает глаза. Вот теперь, с позиции нашего благополучия, нам нужно вступить в активную борьбу за судьбы православного христианства в России и за самую душу нашего родного народа.

Мне не хотелось бы, чтобы кто-то из Вас упрекнул меня в касании тем, слишком далеко стоящих от основных задач Церкви. Не думаю, что я этим погрешил. Я убежден, что Дух Христов, а следовательно подлинный дух Церкви заключается в том, чтобы никого не подчиняя, всем обладать. Т. е. утверждение примата (главенство, первенство) авторитета под властью. Возьмем как пример соотношение души и тела. Душа не выполняет ни одной функции тела, но ни одна функция не может быть бездушной. Было бы большой ошибкой думать, что Церковь может интересоваться только предметами, необходимыми для богослужения. Нет, интерес Церкви распространяется на все формы жизни. Борьба за правду в любом человеческом деле — первейшая забота Церкви.

...И так мы сегодня открываем Дом, предназначенный служению, служению Богу. А так как Богу от нас ничего не надо, мы ничего не можем дать Ему, чего у Него еще нет, то служение Ему означает служение Человеку во имя Божие. Господь

наш Иисус Христос сказал: «Я пришел не для того, чтобы Мне служили, но чтобы послужить.» Это служение делу Божьему и прежде всего в лице многострадального русского народа, является задачей нашего Дома.

...Дай же Боже, чтобы больше домов крепких крепостью и любовью Серафимовской возникало в нашем зарубежье. Домов, в которых делается светлое и мужественное дело в духе тех героев, действующих, как за рубежом, так и на родине, к кото-

рым принадлежал бесстрашный человек и гениальный художник Борис Пастернак, словами которого я закончу свое выступление:

«Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда!

Не спи, не спи художник,
Не предавайся сну —
Ты — вечности заложник
У времени в плену!»

Икона 17-го века в Канаде

Из всех областей русского изобразительного искусства самый большой интерес вызывает на Западе древняя русская иконопись. Ей посвящены за последние годы многие труды на английском, французском и немецком языках. В Зап. Германии и Швейцарии имеется ряд частных собраний, вроде небольших музеев, где можно увидеть хорошие образцы иконописи. Но в больших музеях Европы и Америки иконы представлены случайно и незначительно, — дать представление об этом особом роде живописи они не могут. Есть и в Америке частные собрания икон, но они недоступны для обозрения. Изредка попадаются у антикваров старинные иконы, которые скоро попадают в церкви или частные дома.

Недавно в Канаду попала небольшая икона, вызвавшая особый интерес. Предварительно укажу несколько исторических фактов.

В 17-ом веке делами искусств в России ведала Оружейная Палата в Москве. К ней была присоединена в 1640 году Иконописная Палата, которой долгие годы заведовал царский иконописец Симон Ушаков. В его ведении было много иконописцев; среди них большой известностью пользовался «государев иконописец» Иосиф Владимиров. Он участвовал в росписи многих соборов и царских палат, а также реставрировал вместе с Ушаковым иконы храма Василия Блаженного. Но из икон его письма была известна только одна — «Сошествие Св. Духа», которая находится в Гос. Историческом Музее в Москве. Владимиров известен также как автор «Трактата об иконописании» 1664 г.

В трудах Ровинского и Собко имелись указания на другую икону работы Владимирова, а именно на икону «Благовещение» 1626 г. К сожалению ни Ровинский, ни Собко не сообщают, где они эту икону видели и где икона находится. Ссылаются на икону и современная «История Русского Искусства», том IV, но опять

без указаний, где икона находится. Недавно в собрание г. О. в Монреале (Канада) поступила икона «Благовещение Пр. Богородицы», размером 12 с половиной на 10 дюймов*). Мелкое и изящное письмо отвечает стилю работ царских иконописцев 17-го века. На фоне архитектурных строений изображены Богородица и Архангел Гавриил. В центреверху, в отдельном медальоне написана полуфигура Бога Отца, благословляющего Богородицу. Подпись в левом нижнем углу гласит: «Лета 7134 писал сий образ боголюбца по обещанию государев изограф Иосиф». Год 7134 надо понимать как 1626, ибо 7134 — 5508 = 1626 (По древнему летоисчислению сотворение мира считалось в 5508-ом году до Р. Х.). Увидев эту подпись сразу же вспомнилось указание Ровинского и Собко. Но возник вопрос, что значит слово «боголюбца»? Не стерлась ли последняя буква «м», тогда подпись можно было бы понимать в том смысле, что изограф Иосиф написал сей образ «боголюбцам» т. е. жителям Боголюбова, по обещанию. Подписи подобного рода встречаются на иконах 17-го века довольно часто, например: «Написан сей святыи образ по обещанию Вологжан посадских людей Кашеевых, писал иконописец Иван Григорьев», или «писал сей образ государев зограф Пимен, зовомый Симон Ушаков».

В самой поверхности иконы было заметно, что живопись фигур Богоматери и Арх. Гавриила более старая, а все окружение написано позже. Сопоставляя известные данные о Владимирове и рентгеновские снимки с иконы можно сделать следующие выводы:

Известно, что в 1626 г. в Московском Кремле был страшный пожар. Горели церкви и иконы. Возможно, что обгорелую икону «Благовещения» дали Владимирову для подновления. Вполне возможно, что эту икону он

писал раньше, но т. к. чинить обгоревшие места было невозможно, то он выпилил фигуры Богородицы и Арх. Гавриила, и вставил их в новую доску, а все окружение написал вновь, после чего и подписал икону. Такие капитальные реставрации икон производились иконописцами довольно часто. Рентгеновский снимок иконы подтверждает подобное предположение, ибо ясно показывает наличие разных слоев живописи.

Находка одной из ранних работ «изографа Иосифа» представляет большой интерес. В этой ранней иконе не определились еще те черты, которые заметны в иконе «Сошествие Св. Духа» и тот призыв Владимирова к светлому письму икон, который прозвучал в его «Трактате об иконописании». Но вместе с тем это показывает, что в своем творчестве Владимиров находился на путях постоянных поисков и не повторял себя.

Иконе «Благовещения» надлежало бы украшать один из русских музеев.

Е. Климов

Situation des Chrétiens en Union Soviétique, II Documents, Paris, 1965, 80 стр.

Эта французская брошюра издана межконфессиональным Комитетом по информации о положении христиан в Советском Союзе. Она содержит во французском переводе ряд документов о положении Церкви в СССР.

Первый, очень пространственный документ, датированный 2 февраля 1964., был передан группой верующих Исполнительному комитету Мирового Совета Церквей во время его сессии в Одессе. В этом обращении очень подробно описываются методы, применяемые властью для удушения Церкви.

Далее следует более короткое обращение верующих из СССР в ООН, к главам иностранных правительств и различных церквей, датированное 5 ноября 1963 г.

Наибольшее количество документов касается омерзительного преследования Почаевской лавры и того мужественного сопротивления, которое оказывают монахи и миряне; всего 15 различных документов (стр. 17-56).

Во второй части брошюры помещена большая статья известного французского автора Оливье Клемана (Olivier Clément), дающая сводку о положении Церкви в СССР (стр. 60-75).

Эту брошюру можно горячо рекомендовать всякому, интересующемуся положением в Советском Союзе, особенно же каждому готовящемуся туда ехать.

Брошюру можно выписать из редакции французского журнала «Es-

*) 1 дюйм = 2,54 сантиметрам

grit» 19, rue Jacob, Paris 6^e, France. Стоимость 5 фр. фр.

Издатель этой брошюры межконфессиональный Комитет по информации о положении христиан в Советском Союзе, образовавшийся во Франции весной 1964 г. В Комитет вошли католические, протестантские и православные церковные, научные и культурные деятели, в том числе: писатель Франсуа Мориак, проф. о. Жан Даниелу, проф. о. Андрей Льеже, проф. Жак Шатанье, публицист, Жан-Мари Доменак, писатель Жак Мадоль, проф. Анри Марру, Жак Нантэ, проф. Пьер Паскаль, поэт Пьер Эмманюэль, пастор Жан Боск, пастор Жорж Казалис, пастор Андрей Дюма, пастор Альберт Финэ, пастор Ренэ Роньон, проф. Оливье Клеман, проф. Павел Евдокимов и Никита Струве.

5 мая 1964 г. этот Комитет обратился с письмом с запросом о положении Церкви в СССР к Н. Хрущеву, а 25 января 1965 г. с подобным же письмом к А. Косыгину. Ответа на эти письма не последовало. Текст этих писем читатель также может найти в брошюре.

А. Ж.

Кн. Евгений Трубецкой: ТРИ ОЧЕРКА О РУССКОЙ ИКОНЕ. Умозрение в красках. Два мира в древне-русской иконописи. Россия в ее иконе. Париж, издат. YMCA-Press, 1965, 161 + 3 стр.

Книге предпослано следующее краткое предисловие:

«Князь Евгений Трубецкой (род. 23.9.1863 г., сконч. 23.1.1920 г. ст. стиля), замечательный русский философ, обладавший редким писательским дарованием, дал первое и доселе единственное целостное, одновременно художественное, историческое и богословское истолкование древней русской иконы.

В настоящей книге впервые собраны воедино публичные лекции кн. Е. Н. Трубецкого о русской иконе. Первые две — Умозрение в красках и Два мира в древне-русской иконописи — вышли отдельными брошюрами в 1915 и 1916 г. г. и сразу же приобрели широкую известность, но ни разу не переиздавались и стали библиографическими редкостями. Третья — Россия в ее иконе — появилась в разгар революции, в одной из последних книг «Русской Мысли» (январь-февраль 1918 г.), в силу чего осталась фактически неизвестной.

К статьям об иконописи приложен список важнейших трудов кн. Е. Н. Трубецкого, составленный княжной С. Е. Трубецкой*.

При повсеместно возросшем в настоящее время интересе к русской иконе, исключительно важно появление в свет ставших недоступными

очерков знаменитого московского профессора, занимавшего с 1906 г. кафедру по энциклопедии и истории философии права.

Настоящая книга является первой из предполагаемой серии «Библиотека русской религиозно-философской мысли», под общей редакцией Никиты Алексеевича Струве. В настоящее время готовятся к печати:

1. А. Белый, *Первое свидание* (поэма), с предисловием Д. Чижевского;

2. «Из глубины» («De Profundis»), Сборник статей, Москва, 1918 г.;

3. В. О. Ключевский, *Призвание России* (три статьи не вошедшие в советское собрание сочинений);

4. В. С. Соловьев, *Стихотворения*.

Неплохо было бы включить в этот список и сборник «Вехи», также являющийся сегодня библиографической редкостью.

А. Ж.

«Человек не может оставаться только человеком: он должен или подняться над собой или упасть в бездну, вырасти или в Бога или в зверя. В настоящий исторический момент человечество стоит на перепутье. Оно должно окончательно определиться в ту или другую сторону. Что же победит в нем, — культурный зоологизм или то «сердце милующее», которое горит любовью ко всей твари? Чем надлежит быть вселенной, — зверинцем или храмом?»

кн. Е. Н. Трубецкой, «Умозрение в красках»

Études Phonologiques dédiées à la mémoire de M. le Prince N. S. Trubetzkoy; University of Alabama Press, Alabama, 1964, 345 + 2 стр. (переиздание Travaux du Cercle linguistique de Prague, том 8, Прага 1939).

Князь Николай Сергеевич Трубецкой (16. 4. 1890 - 25. 6. 1938) — сын знаменитого ректора Московского университета, кн. Сергея Николаевича Трубецкого*).

В русской эмиграции Н. Н. Трубецкой известен главным образом, как видный евразиец. Но в первую очередь он был крупнейшим филологом с мировым именем. Без Трубецкого и его фонологии вообще немыслимо современное языкознание. Основной его труд на эту тему — «Grundzüge der Phonologie» — вышли уже после преждевременной кончины автора в 7-м томе «Работ пражского лингвистического кружка».

Рецензируемая книга содержит целый ряд статей, посвященных вопро-

*) См. напр.: Княжна Ольга Николаевна Трубецкая. Князь С. Н. Трубецкой, Воспоминания сестры; Нью-Йорк, издат. имени Чехова, 1953, 269 стр.

сам фонологии и интересных лишь для специалистов.

В конце книги (стр. 335-342) помещена полная библиография трудов Трубецкого, составленная чешским профессором Богуславом Гавранком. Здесь надо оговориться. Эта библиография была полной в момент ее опубликования (т. е. в 1939 г.). Остается пожалеть, что переиздатели книги не дали дополнительного списка трудов Трубецкого, изданных, переизданных или появившихся в переводах после войны.

Во всяком случае будущему историку русской эмиграции книга драгоценный библиографический материал.

А. Ж.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ № 76, изд. Общекадетского Объединения, Париж, ноябрь 1965.

Без этого номера «Военной Были» историк России 18-го века обойтись не сможет.

В этом номере впервые опубликованы 39 до сих пор неизвестных писем А. В. Суворова к принцу Нассау-Зиген, командовавшему под Кинбурном (1787 г.) русской гребной флотилией.

Все письма даны в форме факсимилье. Перевод писем на русский язык и комментарии к ним принадлежат перу С. П. Андоленко.

Редакцию «Военной Были» можно поздравить с исключительным успехом. Следует также принести благодарность А. П. Иорданову, давшему редакции возможность познакомить своих читателей с этим ценным материалом, ставшим таким образом достоянием исторической науки.

А. Ж.

Новые церковно-хоровые издания.

Св.-Троицким монастырем в Джорданвилле (США) издана партитура для смешанного и однородного хора:

И. А. Гарднер: Аллилуия (литургийное), 8 гласов, киевского распева. Гармонизация простая, доступная для любительских хоров. Мелодии взяты из Обихода Синодального издания 1902-го года. Цена 3 зап. герм. марки. Выписывать можно через редакцию «Зарубежья».

В издательстве «Нотная библиотека православного христианина», прот. Н. Веглайса (см. «Зарубежье», № 4, 1965 г., стр. 14, где приведен адрес издательства) в Калифорнии, вышел 97-й выпуск партитур: И. А. Гарднер: Да молчит (на литургии св. ап. Иакова и в Великую Субботу), для небольшого смешанного хора. Выписывать непосредственно из издательства прот. Веглайса.

Ю. МЕЙЕР

Всеобщая декларация прав человека

Мы считаем необходимым ознакомить наших читателей с одним весьма важным документом, ясно рисующим те идеалы, которыми в своей деятельности руководствуется Организация Объединенных Наций. Мы говорим о Всеобщей Декларации Прав Человека, принятой Генеральной Ассамблеей 10-го декабря 1948 года. За принятие ее голосовали 48 членов Организации. Против не было подано ни одного голоса. Воздержались Советский Союз, Белоруссия, Украина, Чехословакия, Польша, т.е. все члены тогдашнего коммунистического блока и кроме них Саудовская Аравия и Южно-Африканская Республика. Об этой своеобразной блокировке мы скажем позже несколько слов. Коммунистические страны оказались в данном случае в трудном положении. Декларация формулировала самые естественные права человека. При всей своей изобретательности эти страны не могли найти логичных возражений. Отвергнуть декларацию они не решились. Им оставалось только ее замолчать. Мы рады способствовать тому, чтобы, может быть, хотя бы и в очень малой мере русские читатели были осведомлены о содержании этого знаменательного документа.

Размеры этой статьи не позволяют привести полностью весь текст Декларации, но те параграфы, которые мы в дальнейшем цитируем, должны будут заинтересовать наших читателей.

Статья 5. «Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному, или унижающим его достоинство, обращению и наказанию».

Статья 9. «Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или наказанию».

Это положение не ново. Оно содержится и в советской конституции. С какой точностью оно применяется на практике, стало известно всему миру.

Статья 11. «Каждый человек, обвиненный в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком.»

В России этот принцип лег в свое время в основу Судебных Уставов, бывших в силе в дореволюционное время, однако советские юристы его отвергли. По их мнению самый факт обвинения предопределяет виновность подсудимого. Он обязан доказывать свою невиновность.

Статья 13. 1 «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства.»

Что по этому поводу могут сказать советские вожди? Легко ли получить право жительства в Москве? Легко ли колхознику уйти из колхоза в город?

Статья 13. 2 «Каждый человек имеет право покинуть любую страну, включая свою собственную и возвращаться в свою страну.»

Выдвинутый здесь принцип, считающийся естественным в свободном мире, кажется чудовищным для советской полиции. Пока число советских туристов, получающих разрешение поехать в страны свободного мира, не превышает двух десятков тысяч в год. А вот несколько данных о том, как этим правом выезды за границу пользуются в свободном мире. За 1965 год 6 миллионов французов побывали в Испании, 2,2 миллиона американцев ездили в Европу, около 10 миллионов немцев из Западной Германии были за границей.

Статья 14. «Каждый человек имеет право искать убежище от политического преследования в других странах и пользоваться этим убежищем.»

Советские законодатели по этому вопросу занимают прямо противоположную позицию. С их точки зрения бегство за границу является не осуществлением права, а преступлением, караемым многолетним заключением.

Статья 18. «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию и убеждения, как единолично, так и сообща с другими, публичным и частным порядком в учении, богослужении и в выполнении религиозных и ритуальных обрядов.»

По поводу этой статьи партийцы будут доказывать, что все эти свободы существуют в коммунистической стране.

Статья 19. «Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.»

Если бы советское правительство усвоило эту статью, это значило бы, что советские граждане могли бы слушать любые радиопередачи из-за границы, могли бы выписывать по своему выбору иностранные книги, журналы и газеты, могли бы их свободно обсуждать на собраниях, лекциях и заседаниях.

Статья 21. 3 «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначущих форм, обеспечивающих свободу голосования.»

С точки зрения советской практики эта статья наиболее крамольна, так как проведение действительно свободных выборов означало бы конец советской власти.

Вот в кратких словах содержание самых важных статей Декларации. Когда она была принята, Ассамблея обратилась ко всем государствам членам Организации с призывом обнародовать текст Декларации и сделать все возможное для «ее распространения, оглашения и разъяснения главным образом в школах и других учебных заведениях, без различия, основанного на политическом статусе стран и территорий».

Этого пожелания власти в Советском Союзе, конечно, выполнить не могли. Они при голосовании воздержались, т.е. Декларации не приняли и, благодаря этому, формально освободились от обязательства сообщать ее содержание народу.

Воздержавшись, Советский Союз попал в трогательную компанию самых реакционных стран — Саудовской Аравии и Южно-Африканской Республики. Те воздержались по другим соображениям: первая, потому что в ней продолжало существовать рабство, а одна из статей, которую мы не привели, решительно его осуждает, а вторая — потому что там угнетение черного населения достигло совершенно уродливых размеров.

Есть люди, которые упорно настаивают, что для достижения цели можно блокироваться с кем угодно, можно заключать договоры с Гитлером, трогательно объединяться с рабовладельцами и расистами. Мы воздержимся от обсуждения этой темы.

ГРАММОФОННАЯ ПЛАСТИНКА С РУССКОЙ АРХИЕРЕЙСКОЙ СЛУЖБОЙ

В мае этого года, известной фирмой Л. Шванн в Дюссельдорфе, в серии «Музыка сакра» выпущена очень интересная пластинка под названием «Russisches Pontificalamt» («Русская архиерейская служба»), под № AMS 80. В напевании пластинки участвуют три хоровых ансамбля: большой смешанный хор имени св. Романа Сладкопевца в Эссене (директор В. Пентек), хор семинаристов в Кнехтене около Кельна (директор о. Иосиф Виппер) и хор мальчиков при церкви св. Елизаветы в Эссене (директор Т. Шефер).

Размеры одной долгоиграющей пластинки не дают возможности поместить на ней всю архиерейскую литургию целиком, со всеми возгласами; для этого потребовалось бы 2 долгоиграющих пластинки. Поэтому взяты были только самые характерные части архиерейской службы и опущены те, которые не отличаются от обычной службы. Но зато приведенные части воспроизведены без малейших пропусков, со всеми возгласами и при соблюдении безупречной уставности.

Золотая Книга Русской Эмиграции*)

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПАМЯТНИК РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ

Инициатива Общества охранения русских культурных ценностей по созданию Золотой Книги Русской Эмиграции встретила всеобщее сочувствие среди русского зарубежья. Из разных стран, главным образом из США, стали поступать многочисленные, нередко трогательные, письма с выражением радости, что наконец, нашлись русские, решившие и приступившие к составлению такой книги, и желание оказать посильное содействие. Откликнулись из Франции и других стран многочисленные ученые, литераторы, художники и общественные деятели, выразившие желание принять участие в деле создания Золотой Книги путем составления статей по различным ее отделам и уже приступили к работе.

Вот их имена:

Богословие — Н. М. Зернов, проф. Оксфордского университета. Астрономия — Н. М. Стойко, почетный астроном Парижской обсерватории. Математика и физика — В. Г. Демченко, инженер. Геология — Г. А. Дейша, профессор, доктор наук. Балет — С. М. Лифарь, директор университета танца, и А. А. Шайкевич, балетный критик. Музыка — М. М. Гофман, музыковед. Опера — М. С. Давыдова, б. профессор Русской консерватории. Оперетта и мюзикхолл — Н. Я. Лидарцева, журналистка. Театр — А. А. Шик, писатель и критик. Кинематограф и декорация Ю. П. Анненков, художник и декоратор. Литература — Г. В. Адамович, поэт и писатель. История литературы — проф. П. Е. Ковалевский. Художники и скульпторы — А. Б. Серебряков, художник. Радио-электроника и телевизия — А. А. Кирилов, инженер. Сопротивление материалов — В. Н. Изнар, инженер-строитель. Кораблестроение — И. И. Бокановский, инженер.

Кроме того примут участие также и профессора Русской Академической Группы в Париже.

Таким образом, ныне впервые заложено твердое основание книги, создание которой явит миру духовную силу русских людей, несмотря на нелегкие условия жизни, и вклад их в мировую культуру.

Конечно, это только начало, и потребуется еще много труда и усилий. Необходимо собрать много материалов и сведений, могут встретиться и затруднения. Но мы убеждены, что книга будет создана.

Мы также твердо верим в действенный порыв зарубежных русских и знаем, что они окажут свое посильное содействие и внесут свою лепту. Эта книга всего Зарубежья и

по всему содержанию может быть осуществлена лишь совокупными усилиями всех. Сила в единении и единение в силе. Тогда, и только тогда будет создана Золотая Книга — памятник Русского Зарубежья.

По всем вопросам, касающимся «Золотой Книги Русской Эмиграции», просят обращаться к председателю правления Общества: — С. М. Лифарю —

26, av. de New York, Paris 16-e, France.
или к вице-председателю — Л. Н. Немирову —
26 bis, rue de l'Ingénieur Robert Keller,
Paris 15-e, France.

Правление О.О.Р.К.Ц.

Почин О.О.Р.К.Ц. следует горячо приветствовать.

Но этот почин будет иметь должный успех лишь в том случае, если действительно все русское зарубежье не только с сочувствием отнесется к этому начинанию, но и по мере сил примет в нем активное участие.

Сбор сведений для составления отдельных статей будет делом очень нелегким. И тут каждый, располагающий какими-либо фактическими данными, сможет оказать существенную помощь авторам, взявшимся за составление статей по различным разделам.

Думается, что «Золотая Книга» должна будет превратиться в серию отдельных изданий под одним общим заголовком. И эти издания должны будут выходить постепенно, отдельными выпусками, по мере их составления.

Как видно из выше помещенного письма в редакцию, О.О.Р.К.Ц. еще далеко не закончило организационную работу. Целый ряд исключительно важных тем еще не нашли своих авторов.

Укажем лишь некоторые примеры.

Русские научные учреждения, высшие учебные заведения, музеи и архивы за рубежом (напр. Русский заграничный архив в Праге, Русский научный институт в Белграде и пр. и пр.).

Русские средние и низшие школы за рубежом.

Внешкольная работа с молодежью (юношеские организации).

Издательская деятельность русской эмиграции.

Церковное зодчество и иконопись.

Церковная музыка.

Русская литература. Тут можно было бы обратиться к проф. Г. П. Струве. Его книга «Русская литература в изгнании» полностью разошлась. Второе, дополненное и исправленное издание было бы крайне необходимо.

Русские научные деятели и их творчество. (В выше помещенном письме отсутствуют еще многие темы):

История (причем не только история

России); философия; право; социология; экономика; филология (языкознание и литературоведение); этнография; естественные науки (зоология, ботаника, география, химия, почвоведение и т.д.); медицина.

Вклад русских в развитие науки, техники, искусства и т. д. по отдельным странам.

Остается выразить надежду, что инициатива О.О.Р.К.Ц. найдет широкий отклик во всем нашем зарубежье и, что авторы найдутся для всех разделов.

Хотелось бы еще отметить, что мы в некотором смысле более оптимистичны, чем О.О.Р.К.Ц. и не думаем, что «Золотую Книгу» следует называть «Памятником русскому зарубежью». Правильнее было бы назвать это начинание подведением итогов тому, что было до сих пор сделано.

История русского зарубежья не кончилась, а продолжается.

Второе, а часто уже и третье поколение, пришло на смену блестящей плеяде отцов и дедов. И даже если эта смена скромнее своих предшественников и не столь многочисленна, она все же значительна.

И именно перед этой сменой стоит ответственная задача продолжать дело своих отцов, а также донести его до России.

А. Желнин

Протоиерей Александр Трубников. *Ближний Восток колыбель Православия*, Издание Представительства Российских Эмигрантов в Америке, Мадрид, 1964, 351 стр.

Книга представляет собой скорее исторический справочник или конспект истории Ближнего Востока в связи с Православием, причем автор не концентрирует своего внимания только на религиозных вопросах, но затрагивает и политические, юридические и даже экономические вопросы, связанные с Православием, главным образом в Палестине, Сирии, Египте, Эфиопии и вообще в странах Ближнего Востока с древнейших времен до сегодняшнего дня.

Большое внимание уделено роли и значению России в судьбах Православия в тех краях, не только с точки зрения религиозной, но и юридической и обще-культурной. Не мало страниц посвящено взаимоотношениям Московской и Иерусалимской Патриархий и вопросу о русских владениях в Палестине и Сирии. Дана хорошая документация и статистика. В конце приведена прекрасная составленная систематическая библиография о Ближнем Востоке. Несмотря на сжатость изложения, книга читается легко и с интересом.

Рекомендуем ее всем читателям, так или иначе интересующимся ходом жизни на Ближнем Востоке.

И. Г.

*) см. Зарубежье № 1 (5), март 1966.

МОСТЫ.

Литературно-художественный и общественно-политический альманах, № 12, Мюнхен, (апрель) 1966, 406 + 2 стр.

«Мосты» — издание Товарищества зарубежных писателей — даже если и не так часто, как когда-то, все же продолжают выходить.

В первую очередь это заслуга жертвенной и самоотверженной работы редактора Г. А. Хомякова (Г. Андреева).

Содержание последнего номера этого издания, уже давно завоевавшего себе заслуженную репутацию, следующая:

I-ый раздел: Поэзия — проза (стр. 3 — 160).

В этом разделе представлены следующие авторы: Алексей Ремизов, Д. Кленовский, Анатолий Даров, Ирина Одоевцева, Анна Присманова, Игорь Чиннов, Гайто Газданов, Г. Андреев, Владимир Дукельский, Е. Каннак, София Прегель, Борис Филиппов, Юрий Одарченко, Юрий Иваск, Ева Томсон, В. Вейдле. Кроме того помещены стихи нескольких югославских поэтов в переводе А. Неймирка.

II-ой раздел: Литература — искусство (стр. 161 — 297).

Содержание:

В. Гребенщиков: Мудрость и правда;

Юрий Иваск: Литературные заметки;

Владимир Дукельский: Новая советская музыка;

Герман Ермолаев: Перелицованные комиссары;

Б. Литвинов: Тенденции современного киноискусства;

К. Померанцев: Оправдание поражения;

Георгий Адамович: Об Александре Гингере;

Александр Бахрах: По памяти, по запискам (II). (В статье Бахраха имеется новый материал о Бунине).

III-ий раздел: Культура — политика (стр. 298 — 357):

Никалай Бердяев: О двусмысленности свободы;

Николай Арсеньев: Второй Ватиканский Собор;

Н. Осипов: О судьбах России;

Г. Круговой: Миф и наука в марксизме;

Т. Л.: Советский и западный марксизм;

В. Литвинский: Об одной затянувшейся сенсации.

IV-ый раздел: Документы — воспоминания (стр. 358 — 406):

А. Тургенева: По поводу «Института истории искусств»;

Ю. Терапиано: Об одной литературной войне;

Лев Рубанов: Клуб «Медный всадник»;

Т. Алексинская: Из записок русской социал-демократки.

А. Ж.

Георгий Петрович Федотов

(Краткая биобиблиографическая справка)

Р. 1 октября 1886 г. в Саратове, † 1 сентября 1951 г. в г. Бэкон, Нью-Джерси, США.

В 1904 — 6 г. г. Ф. принимал участие в социал-демократическом движении в Саратове, за что был арестован. С 1906 по 1908 г. он находился за границей и занимался историей в Берлинском и Йенском университетах. В 1908 г. он поступает в Петербургский университет. В 1910 г. он снова уезжает за границу из-за политических преследований и проводит около 1 года в Италии. После этого он снова возвращается в Петербург, где кончает университет. В 1914 г. он уже приват-доцент истории в Петербургском университете. В 1925 г. он вынужден покинуть Россию и обосновывается во Франции, в Париже, где с 1926 по 1940 г. состоял профессором Православного богословского института. В 1941 г. Ф. перебирается в Нью-Йорк. С 1941 по 1943 г. он работает в Йельском университете в Нью-Хэвене, а затем профессором Свято-Владимирской Православной богословской Академии в Нью-Йорке.

Некоторые главнейшие произведения Г. П. Федотова:

Св. Филипп, Митрополит Московский; Париж ИМКА-Пресс, (1928), 228 стр.;

Святые древней Руси, (1931);

И есть и будет. Размышления о России и революции; Париж ИМКА-Пресс, (1932), 220 стр.;

Социальное значение христианства, (1933), 32 стр.;

Стихи духовные. (Русская народная вера по духовным стихам); Париж: ИМКА-Пресс, (1935), 152 стр.;

A treasury of Russian spirituality; New York, (1948);

The Russian religious mind; Harvard University Press (1946);

Новый Град. Сборник статей, Нью-Йорк: изд. им. Чехова, (1952), 377 стр.;

Христианин и революция. Сборник статей, (1957), 192 стр.

С 1931 по 1940 г. Федотов совместно с И. И. Бунаковым-Фондаминским и Ф. А. Стегуном издавал и редактировал журнал «Новый Град».

Всего Федотовым написано свыше 300 различных статей на разных языках (русском, английском, немецком и французском). Из русских больших периодических изданий он печатался в следующих журналах: «Версты», «Современные Записки», «Путь», «Новый Град», «Живое Преданье», «Числа», «Круг», «Новый Журнал» и др.

А. Ж.

ХРОНИКА

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● В марте с. г. по телевидению НБС (Нью-Йорк) в программе «Иллюстрации по Нью-Йорку» показаны отрывки из драмы А. П. Чехова «Дядя Ваня» в исполнении артистов русского театра в Нью-Йорке.

● На Очередном литературном вечере русского зарубежного журнала «Грани» в Нью-Йорке были прочитаны стихи из подпольных журналов «Синтаксис» и «Сфинксы», полученных редакцией «Граней» нелегально из СССР.

● В конце марта в Брюсселе (Бельгия) состоялось восемьдесят второе чтение русской устной газеты. Читали В. В. Орехов, О. В. Желябина, В. В. Жигарев и А. И. Дубровская.

● В память недавно скончавшейся Анны Андреевны Ахматовой состоялся доклад г-жи Руссовой в Ницце. Доклад читался на французском языке, также были прочитаны переведенные г-жей Руссовой на французский язык стихотворения А. Ахматовой.

● В конце апреля с. г. в Париже по приглашению русского журнала «Грани» выступил с докладом о политических брожениях в России недавно покинувший СССР писатель В. Я. Тарсис.

● Очередной доклад на тему «Иконы русских святых» был прочитан в обществе «Икона» в Париже. Демонстрировались многочисленные диапозитивы.

● Главный декоратор Метрополитен Оперы в Нью-Йорке Владимир Одинокоев работает над декорациями к опере Моцарта «Волшебная флейта», которая будет поставлена в 1967 году. Декорации пишутся по макетам Марка Шагала.

● В Каракасе (Венецуэла) в помещении лицея «Кларет» состоялся духовный концерт русского хора под управлением А. А. Шереметинского и Н. А. Ган. Концерт был устроен с благотворительной целью и был во всех отношениях очень удачен. Чистый сбор по-

шел на помощь епархиальному дому для престарелых русских.

● В русском доме для престарелых в Ментоне (Франция) был устроен концерт, на котором г-жей и г-ном Михайловыми были исполнены оперные арии русских и иностранных композиторов.

● Русский композитор И. Ю. Чернойров получил французский орден «мерит Кюльтюрь э артистик».

● В США проживает уже много лет крупный русский иконописец Пимен Софрончов, кисти которого принадлежат иконы во многих храмах США, как напр. в Бруклине, Ансоии, Трентоне, Сиракьюс и т. д. В настоящее время Софрончов находится в Сан-Франциско, куда его пригласили для основания школы иконописи. Там же открылась выставка его икон, показываемых в кафедральном соборе Сан-Франциско. Выставка имеет большой успех и вызывает живой интерес также и у американских посетителей.

● В конце февраля 1966 г. в Нью-Йорке в Гаркнес Гаузе состоялась выставка, посвященная художественным декорациям русской и так называемой западной сцены — произведения русских мастеров. Среди экспонатов необходимо отметить: декорации Николая Рериха к «Весне священной» Игоря Стравинского, проекты декораций и костюмов Наталии Гончаровой и Александра Экстера, работы Л. Бакста, Александра Бенуа, Метислава Добужинского, эскизы Коровина к «Золотому петушку» Римского-Корсакова.

● Русская владелица известной картинной галереи в Париже Екатерина Гранова получила французский орден «искусства и науки», который был ей вручен на официальном приеме в помещениях той же галереи.

● Русская сказательница сказок и легенд Ю. А. Кутырина, произведения которой передавались по парижскому радио в течение 16-ти лет, устроила выставку созданных ею фантастических фигурок, выделанных из корней и ветвей деревьев, изображающих людей и животных из ее сказок.

● В Нью-Йорке, в выставочном помещении журналов Тайм и Лайф, выставлены картины, главным образом портреты, недавно скончавшегося русского художника Бориса Арцыбашева, сына известного писателя Михаила Арцыбашева. Американская критика очень высоко оценила картины и портреты В. Арцыбашева.

● В Париже, в библиотеке Монбель, выставлены картины (гуаши и акварели) русского художника Ж. Изидинова. Произведения его полны тонкого мастерства и поэтической нежности. Выставка имеет большой успех у парижской публики.

● В галерее Суланж в Париже выставлены картины и рисунки Сергея Пономарева, рисунки его скульптурны, а картины частью сине-голубых тонов, частью красновато-золотых, как заходящее солнце.

● Русский художник Яков Ельшин недавно выставил в городе Сеатл (США), свои работы за сорок лет. Его имя уже давно очень хорошо известно в художественных кругах США и многие из его картин приобретены музеями разных городов США и Канады. Одна из недавних его картин «Дон Кихот», куплена городским музеем Сан-Франциско и художнику присужден за нее приз в тысячу долларов.

● В Париже, в галерее Дофин, выставлены картины русского художника Сергея Иванова

(много рисунков карандашом и китайской тушью). Большой успех имеют его работы благодаря своей живости, легкости и одухотворенности.

● В Филадельфии (США) открыта выставка картин художников всех американских городов. Из более чем тысячи работ, принятых по конкурсу на выставку, картины русского художника В. Шагалова получили вторую премию.

● Регент Свято-Троицкого собора в Бостоне И. Ф. Студенцов организовал женский хор, с успехом выступавший в церкви св. ап. Петра и Павла в Бостоне (США). Первая часть концерта была посвящена духовной музыке. Прекрасно были исполнены «Достоинство есть...», «Архангельский глас» и «Да исправится молитва моя». В мае месяце хор примет участие в фестивале русской культуры в Кембридже (США).

● Хореограф и основательница берлинского балета «Берлинер Баллет» Татьяна Гзовская недавно отпраздновала свое 65-летие. Ее заслуги в балете чрезвычайно велики и ее постановки прогремели по всей Европе. Т. Гзовская имеет много призов, в частности приз Дягилева 1963 года, полученный ею в Париже. До 1965 года она занимала место главного хореографа берлинской оперы. В этом году она оставила эту работу, чтобы полностью посвятить себя своей балетной школе. В настоящее время Т. Гзовская кроме школы занимается составлением новой балетной постановки для миланской оперы на музыку современного молодого композитора Петрасси.

● В городе Мельбурн (Австралия) по инициативе группы русских людей организован светский хор, выступающий с большим успехом по всем городам Австралии.

● Русский дирижер Игорь Чичагов провел премьеру оперного спектакля в городе Трентон (США) как в качестве дирижера, так и музыкального руководителя и режиссера труппы. Спектакль прошел блестяще и И. Чичагову была устроена овация.

● 20-го марта с. г. в одной из лютеранских церквей города Мюнхена, состоялся концерт хора русского православного Свято-Серафимовского храма. Как регент хора, Виктор Анатольевич Древин, так и все без исключения певчие — молодежь. Этот хор стоит на особом месте среди других многочисленных русских хоров за границей. Его регент, а также часть певчих не просто любители, а профессиональные певцы с академическим образованием, или учащиеся мюнхенской высшей музыкальной школы. Поэтому работа проводимая регентом и участниками хора не ограничивается интерпретацией песнопений, но включает в себя изыскание и изучение песнопений разных эпох и местностей, их стилистически правильную гармонизацию, а также работу по приспособлению песнопений для малых хоровых составов; последнее весьма важно в эмигрантских условиях, так как содержание больших хоров при каждой приходской церкви невозможно. Большое культурное дело, проводимое совершенно бескорыстно и по своей инициативе русской молодежью за рубежом, заслуживает очень серьезного внимания.

● Русский церковный хор Св.-Серафимовского храма в Мюнхене, после большого успеха концерта, бывшего 20-го марта с. г., получил приглашение на концерты в два католических монастыря в Баварии. Этот же хор, управляемый молодым регентом Виктором Древиным поет русские народные песни и в

в этом году будет выступать по германскому телевидению.

● Русский мужской хор в Сиднее (Австралия) дал духовный концерт в «Таун Холл». Управляют хором молодые регенты В. Лаптев и А. Коробко. Цель концерта — сбор средств на сооружение Креста-Памятника погибшим воинам Белой армии.

● 17-го апреля с. г. в Париже в зале им. Шопена состоялся русский спектакль «В те страшные дни» из жизни людей в осажденном Ленинграде. Пьеса была поставлена очень серьезно; актеры — русские молодые силы. Исполнение артистами их ролей было умелым и их русская речь отличной. Сама пьеса Е. Татариновой также произвела большое впечатление своим динамизмом и правдивостью.

● Князь Ренье ассигновал необходимые средства для организации новой труппы русского балета в Монте-Карло (княжество Монако). Как известно, при помощи деда Ренье, князя Людовика II, 55 лет тому назад была основана приобретающая мировую известность Русская балетная группа Сергея Дягилева.

● Балетмейстер и хореограф Бронислава Нижинская, сестра покойного балетмейстера Вацлава Нижинского, переработала Дягилевскую постановку 1923-го года балета Стравинского Les Noces для государственного балета в Лондоне.

● Рудольф Нуреев выступил со своей новой партнершей, итальянской танцовщицей Каролой Фрагги в балете «Лебединое озеро» в Риме.

● Знаменитая русская балерина Тамара Карсавина приглашена на должность консультанта при Лондонском балете.

● В Париже проживает знаменитая балерина бывш. императорских театров Матильда Феликсовна Кшесинская со своей сестрой Юлией Феликсовной, которой 22-го апреля исполнилось сто лет. Сердечно поздравляем!

● Балетная труппа В. Ухтомского совершает турне по Калифорнии, выступая с большим успехом. Партнерша Ухтомского балерина Тамара Туманова не участвует в турне, так как она танцует для одного фильма отрывки из балета «Франческа да Римини», также в постановке русского хореографа М. Панаева.

● На одном из концертов общества «Триптик» в Париже, выступила со своими композициями русская исполнительница и композитор Анна Осберг-Скальская.

● В Сиднее работает постоянная русская театральная труппа, поставившая комедию из русской эмигрантской жизни «Трудная фамилия» эмигрантского писателя-драматурга Н. Грачевой. Руководил спектаклем режиссер Коршун. Как пьеса, так и постановка и игра актеров получили лестные отзывы местной русской прессы.

● 20-го февраля с. г. в Нью-Йоркском университете состоялась лекция В. К. Завалишина на тему «Значение творчества Александра Грина».

● Доктор философии Вера Александровна Пирожкова читает в Мюнхенском университете в летнем семестре с. г. курс лекций о диалектическом и историческом материализме, давая одновременно научно-критический разбор этой философии.

● В русском медицинском обществе имени Н. Пирогова доктором В. Манушаковым был прочитан доклад на тему «Психология и психопатология в творчестве Ф. М. Достоевского».

● Доклад Н. И. Исцеленова на тему «Принципы Православного Церковного Искусства» состоялся 28-го марта с. г. в обществе «Икона» в Париже.

● В помещении Русской библиотеки в Мюнхене (Германия) Л. О. Беком был прочитан доклад о архитектуре старого Петербурга с демонстрацией диапозитивов.

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в ее целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего русского рассеяния.

● В доме Русского Студенческого Христианского Движения в Париже, в связи с судебным процессом писателей Синявского и Даниэля в Москве, состоялась лекция проф. В. В. Вейдле на тему «О писательском призвании и писательской свободе».

● На годовом банкете-балу американского воздушного флота в Нью-Йорке Игорь Сикорский был объявлен авиатором года. Американский военный летчик капитан Коммерс, спасенный вертолетом конструкции Сикорского из вражеского тыла в Вьетнаме, поднес Сикорскому награду — большого бронзового орла.

● Русские эмигранты в Австралии живут большой и дружной колонией, много и интенсивно занимаясь общественной работой и создавая все новые общественные и культурные русские центры в разных частях южной и восточной Австралии. Недалеко от Сиднея создан русский православный женский монастырь и старческий дом. При монастыре создается русский уголок, а неподалеку строится мужской монастырь. Работами по постройке руководит русский архитектор. Там же, в лесу у монастыря, ежегодно устраиваются летние лагеря для русской молодежи.

● В Кенигштейне (ФРГ) с. 28.8 по 16.9. с. г. состоится съезд для изучающих русский язык. Предвидятся следующие доклады: «Русский вклад в европейскую культуру», доцент Евгений Асман; «Русский драматический театр» и «Русская опера», Владимир де Фарина э Кастро; «Татарское иго» Александр де Болто; «Церковные песнопения и литургическая музыка» проф. Иван Гарднер; «Иконопись» госпожа Александра Коростовец; «Проблемы научных и технических достижений в тоталитарном и свободном обществе», Николай Галай; «Правовое положение советского гражданина», д-р Евгений Гаранин; «Процесс Синявского и Даниэля», Роман Редлих; «Анна Ахматова» и «Борис Пастернак», Юрий Анненков; «Импровизированное зосание и духовные сдвиги в СССР со смерти Сталина» и «Состояние и тенденции сегодняшней советской литературы», д-р Александр Штейнингер.

● По инициативе С. М. Лифаря, муниципалитет Парижа утвердил проект назвать именем выдающегося вдохновителя и создателя русского балета за границей, Сергея Павловича Дягилева, площадь, прилегающую к Большой Опере в Париже. Официальный акт состоялся 25-го марта с. г.

● В городе Брисбэн (Австралия) в начале с. г. организован русский шахматный кружок, работающий в помещении русского клуба. Организуются группы разных возрастов и намечены турниры различных ступеней.

● В помещении Русского Студенческого Христианского Движения в Париже продолжается цикл лекций проф. В. Н. Ильина по религиозной психологии.

● Юношеская русская организация «Витязь» организовала в третий раз весенний лагерь в пасхальные каникулы. Дети и молодежь провели там две недели, говорили между собой по-русски, посещали страстные службы, говели и встречали там же Светлое Христово Воскресение.

● Парижская группа Европейского отдела Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР) провела с 31-го марта по 6-е апреля пасхальный лагерь на средиземноморском побережье. Руководили лагерем Н. Росс и Н. Жданов. В последний день лагеря со старшими ребятами была проведена беседа-дискуссия на тему о возможностях служить России в юношеском возрасте.

● Европейский отдел Организации Российских Юных Разведчиков (ОРЮР) проведет в этом году свой летний лагерь с 23-го июля по 13-е августа в Нижней Баварии, в районе горда Неймаркт.

● ОРЮР. Мюнхенское звено «Волк» скаутов-разведчиков провело с 12-го по 17-е апреля с. г. шестидневный рабочий лагерь в мюнхенском православном монастыре преподобного Иова Почаевского.

● В городе Стратфильде работает русская церковная школа, в которой дети русских эмигрантов учатся русскому языку, русской истории, географии и Закону Божию. Такие же школы имеются в Сиднее, Мельбурне и других городах Австралии.

● Русские скауты снова устроили лагерь вблизи православного скита Всех Святых в Австралии, а также второй лагерь для другой группы в горах «Станлей», недалеко от океана.

● В конце 1965-го года в Торонто (Канада) состоялся съезд Владимирской молодежи под руководством архиепископа Виталия монреальского и канадского. Участвовало более ста человек молодежи, было много приезжих из других городов Канады.

● Правление Общества помощи русским детям за рубежом (Нью-Йорк, США), оказывающее поддержку нуждающимся многодетным семьям, сиротам и полусиротам, организовало кроме единовременной помощи, постоянную поддержку русским детям в форме «крестных», т. е. лиц, которые берут на себя оказание ежесемейной поддержки какому-нибудь ребенку. За справками обращаться по адресу: Russian Children's Welfare Society, Inc., 59 E. 2nd Street, New York, N.Y. Telephone: SP. 7-9110.

● В городе Руан (Франция) строится новый старческий дом, в который преимущественно принимаются русские эмигранты, проживающие во Франции. Благотворительная организация «Толстовский Фонд», проводящая большую работу в связи с устройством

этого дома, организовала запись престарелых русских и просит обращаться за всеми справками в Толстовский Фонд в Париже.

● Усилиями и средствами прихода храма Христа Спасителя в Сан-Франциско (США) началась постройка нового здания храма по проекту профессора Д. Эшерика и инженера К. Чекана.

● В Лондоне усилиями русских людей создан православный женский монастырь, возглавляемый игуменией Елизаветой. Монастырь образцовый, как по внутреннему устройству и хозяйству, так и по общественно-культурной работе, проводимой монахинями. Очень хорош хор, выступающий иногда и вне стен монастыря, знакомя англичан с православными песнопениями. Недавно с большим успехом прошел концерт в Кэмбридже, в одной из англиканских церквей. Большая культурная работа проводится среди прихожан: работает русская школа, в которой кроме русского языка проходят русскую историю и литературу. Показательный вечер в этом году был на редкость удачен; участвовало много детей.

● В городе Бари, на юго-востоке Италии, где хранятся мощи Святителя и Чудотворца Николая, имеется русская православная церковь. За последние годы приход этот пережил много невзгод и трудностей и даже временно был закрыт. Владыка Архиепископ Георгий, глава Западно-Европейской Архиепископии, назначил настоятелем храма священника Игоря Знаковского. С этой поры храм и приход пережили обновление: благодаря инициативе и умению отца Игоря храм и прочие постройки отремонтированы, проведен телефон, работает центральное отопление и, главное, регулярно проводятся ежедневно положенные богослужения. Личный авторитет и инициатива отца настоятеля привели к тому, что итальянское духовенство, а также городские власти оказывают значительную материальную помощь храму.

● В Каракасе (Венецуэла) по инициативе группы русских людей в кафедральном соборе была отслужена панихида по недавно скончавшейся Анне Андреевне Ахматовой. Одновременно с новопреставленной на ектениях поминался и ее расстрелянный муж, поэт Николай Гумилев.

● В бельгийской газете «Суар» напечатана статья г-жи Веры Фости об Анне Андреевне Ахматовой. Приведен также портрет Ахматовой кисти Юрия Анненкова, и перевод на французский язык восьмой поэмы «К смерти» из сборника «Реквием», сделанный также г-жей Фости.

Редактирует коллегия
Редактор В. Сорокин

Почтовый адрес:
SARUBESCHIE
8 München 27
Postfach 16

Банковский счет № 30 / 90 246
Neuvians, Reuschel & Co.
8 München 27, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt
V. Sorokin

Druck: „ISKRA“, München 13, Heßstr. 50-52.